

ДМИТРИЙ КОРОЛЁВ

Беседы с Жоржем

Дмитрий Королёв
Беседы с Жоржем

«Издательские решения»

Королёв Д.

Беседы с Жоржем / Д. Королёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939788-1

Гомункулусы, которых делает Жорж, ведут свою жизнь настолько самостоятельно, что ему даже некоторое время приходится побыть без головы. Это несколько мешает ведению философских бесед, но человека, сразившего когда-то самого настоящего самодельного Змея Горыныча, из равновесия вывести трудно.

ISBN 978-5-44-939788-1

© Королёв Д.
© Издательские решения

Содержание

О СИМПАТИИ	6
ОКТОBERFEST	9
О НУЛЕ	13
О ЧИСЛАХ	16
ОБ УПРАВЛЕНИИ	20
ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ	24
ОБ ИМЕНАХ	29
О ПИСЬМАХ	33
ОКРУЖЕНИЕ	37
О ВЫБОРЕ	41
О ПУСТОТЕ	45
ОЖИДАНИЕ	48
О ХОЛОДЕ, ФОЛЬГЕ И ВИТАЛИНЕ	51
О ТРАНСМУТАЦИЯХ	55
ОПУСТОШЕНИЕ	60
О СТЕНАХ	64
О СЛУЧАЙНЫХ ВСТРЕЧАХ	69
О ЛИЧНЫХ ОТКРЫТИЯХ	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Беседы с Жоржем

Дмитрий Королёв

© Дмитрий Королёв, 2018

ISBN 978-5-4493-9788-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О СИМПАТИИ

В день, когда осеннее солнце ещё согревает улицы и пешеходов, но деревья на городских окраинах уже одеваются разноцветной листвой, я спешил к г-ну Павленко, чтобы обсудить его новый опыт. Подходя к особняку, из открытых окон тренировочной залы я слышал характерный лязг холодного оружия – видимо, Жорж не терял времени, чтобы не терять формы. Он так самозабвенно отдавался упражнениям, что меня даже стали одолевать сомнения в исправности звонка – но вот отдалённый металлический грохот прекратился, и через некоторое время в дверях появился хозяин, даже не переменяв одежду. Он крепко пожал мне руку, кивком приглашая войти, и, двигаясь рядом, тут же принялся говорить.

– Я долго размышлял над симпатическим феноменом. Вы ведь знаете, как в средневековой Европе им увлекались просвещённые французы. – На развилках мрачного коридора, похожего на лабиринт из-за частых ответвлений и поворотов, он придерживал меня за локоть. – Конечно, – сказал я, – это когда две вещи находятся в симпатической связи, как оружие, нанёсшее рану, и раненый воин. Некоторые англичане втайне даже применяли оружейную мазь, которую наносили на клинок, чтобы исцелить пострадавшего. – Верно, – согласился мой проводник. – Однако наш век скептически смотрит на такие гипотезы, считая их беспочвенными фантазиями, пригодными лишь для сказок в духе культа вуду.

Неуютности коридору, помимо нарочито неярко электрического света, прибавляло и то, что в нишах вдоль его стен в смиренных позах возлежали безымянные человечьи останки, изглоданные временем до костей. Меня, кстати, всегда удивляло их немалое количество в этом оссарии – всё-таки, известные мне обитатели дома были не так многочисленны, чтобы в естественном порядке заполнить его даже на протяжении многих веков.

– Всё же, – заметил я, – зная вас, уверен, что не всё так просто, иначе вы бы не затеяли этот разговор.

Впереди показался свет, и я ускорил шаг. – Конец средневековья, – рассуждал между тем г-н Павленко, – чётко не определён, его относят к промежутку времени между падением Константинополя в 1453 и окончанием Тридцатилетней войны в 1648 году. Ещё больше путаницы с началом следующей эпохи – ведь будущее приходит не сразу. Некоторые исследователи и вовсе утверждают, что средневековье никуда не делось и по-прежнему вокруг нас, изменились не времена и уж, конечно, не люди, а всего лишь условности. И если взглянуть в древние портреты, мысленно облачив их в современный костюм, то очень непросто избавиться от мысли, что люди прошлого ничем от нас не отличаются. Впрочем, я считаю немного иначе. Эпохи существуют, хоть границы между ними и размыты. То, что нам известно из хронологий и энциклопедий, служит межевыми столбами, разделяет времена. Но ведь не бывает границ без контрабандистов. И что мешает нам вывезти из отдалённых эпох некоторые находки, особенно если официально они не существуют?..

Миновав несколько дверей, мы вошли в ярко освещённую залу, откуда ещё совсем недавно доносился звон клинка. Жорж говорил, а я не мог оторвать взгляда от новых экспонатов импровизированной выставки, развешенных на стенах и расставленных на стеллажах: тут были и самурайские мечи, и бронзовые доспехи египетской работы, и, что меня поразило больше всего, коллекция микенских шлемов.

– Более того, – продолжал обкатывать свою мысль г-н Павленко, – если попытаться взглянуть на нас с исторической перспективы, то мы сами окажемся в серой зоне между концом одной эпохи и началом другой. Однако история не терпит пустоты, следовательно, это – не безвременье, а наслаение времён, смешение эпох. В этом хаосе всегда и происходили события, предопределяющие контуры будущего. Происходят они и сейчас, даю голову на отсечение.

На последних словах Жорж будто бы вдруг вспомнил о чем-то важном: – *Nihil est in intellectu*¹, коллега... – значительно произнёс он. – То есть, в разуме нет нечего, что отсутствовало бы ранее в чувственном восприятии. Именно в таком ракурсе до сих пор никому не пришло в голову рассматривать симпатический метод. Все прежние попытки терпели фиаско вследствие несовершенного подобия между объектом, реципиентом и лицом, на него воздействующим.

Продвигаясь через пространство залы, мы подходили к тренировочной кукле в лёгких доспехах, выполненной в натуралистичной манере, с точностью и вниманием к мелочам. Воин, готовый к бою. Чёрные волосы, вытянутое лошадиное лицо, немигающие тёмные глаза; за блестящим шлемом скрывается высокий лоб, переходящий в залысину... Ба, кого я вижу!

– Неужели это г-н Ворсюк?! – Вскричал я. – Жорж, признайтесь, где вы нашли такого замечательного таксидермиста, столь точно повторившего лик этого негодяя?

Жорж серьёзно проговорил:

– Об этом – позже. Сейчас давайте проверим симпатическую связь между вами и тенью названного господина. – Он протянул мне шпагу с потёртым эфесом.

– Признаться, я предпочитаю рапиру...

– А я – ассемблер²! – Иногда юмор у хозяина дома, вместо того чтобы двигаться по давно проложенным магистралям, сворачивал на такие дикие тропки, что следовать за ним никто не торопился.

Несколько свистящих взмахов шпаги в воздухе, и оружие стало продолжением моей руки. Неспешно и основательно я несколько раз вонзил остриё шпаги в область солнечного сплетения чучела, так похожего на человека. Жорж заметил: – Я называю его Ворчучело. Оно иногда ворчит. Целый месяц пытаюсь его расшевелить, но кроме бессвязного бормотанья ничего не выходит. Утром, когда я отработывал туше, кажется, мне почти удалось вынудить его сказать хоть какое-то осмысленное слово, но закончить я не успел. Оно проворчало не то «улисс», не то «уис».

Я вообразил, что нахожусь в парке на берегу Днепра, где речная прохлада помогает разгорячённым дуэлянтам в трудном поединке, и только шорох опавших листьев под ногами перемешает звон шпаг. – Важно, – говорил г-н Павленко, – войти в состояние полного отождествления себя теперешнего с собой минувшим, в момент наибольшего взаимодействия с противником. – Я наносил удар за ударом, вокруг меня зашумели деревья от лёгкого дуновения ветра, на реке послышалась музыка прогулочного катера. И вдруг чучело на меня посмотрело. Затем оно повело плечами и, покачнувшись, сделало шаг.

– Действует! – кричал Жорж.

¹ В разуме нет ничего (лат.).

² Игра слов: рапира – холодное оружие и, одновременно, язык программирования, как и ассемблер.

– Чёрт возьми! – вскричал я и отскочил.

Ворчучело... нет, теперь уже г-н Ворсюк потянулся к стене, взял висевшую на ней алебарду. Покрутив её в руках, двинулся к нам, задевая этажерки тонкой работы грубым железом и бормоча «Уис!.. уис!». Мы с Жоржем, уворачиваясь от ударов, отступали к выходу, причём некоторая медлительность сомнамбулически движущегося чучела, равнодушного к уколам шпаги, вполне компенсировалась его мощностью и длиной оружия. Я пожалел, что на мне нет микенского шлема.

Алебарда рассекала воздух, опрокидывала стеллажи, звенела и пела, как коса в руках её величества Смерти; о, располагая большей свободой манёвра, убийственной красотой чудовища можно было бы наслаждаться. Мгновение – и я оказался в предзалии с ним один на один, потеряв соратника из виду, и почувствовал себя совсем неуютно, когда лопатками коснулся стены. Жорж успел. Появившись из облака пыли в проёме двери, вооружённый ятаганом, он отсек монстру голову. Тело рухнуло, и наступила тишина.

– Как здорово! – С безумием в глазах говорил г-н Павленко. – Моя догадка оказалась верной! И, конечно, без вас тоже не обошлось!

– Жорж, успокойтесь. Это ваше Ворчучело могло нас убить.

– Что? Ну, вы даёте, в самом деле. Как же оно могло нас убить, если его движения были продолжением вашей мысли? Вы ведь ничего и не поняли!..

И так с ним всегда – хорошо хоть, после утреннего опыта мы прошли в кабинет, и в спокойной обстановке, расслабляясь мягким коньяком, принялись обсуждать принципы симпатической связи в области промышленной передачи данных.

Что ещё? Не уверен, что чучело было настоящим. То есть, возможно, настоящим было вовсе не чучело. Это, кстати, поясняет, откуда берутся новые поступления в оссарии Жоржа.

ОКТОBERFEST

Меня удивило его приглашение на этот странный праздник. Не потому, что я не любитель шумной толпы, и не потому, что она обыкновенно состоит из одиноких людей. И даже не в том вопрос, что после сбора люди становятся ещё более одинокими, а в следующий раз толпа – ещё многочисленней.

Просто с Жоржем обычно дела мы обсуждаем в офисе, на философские темы беседуем в каком-нибудь уютном ресторанчике, и для экспериментов лучшего места, чем его лаборатория, попросту нет. А больше вроде бы и говорить не о чем. Разве что о людях... Но Жоржа если и интересует человек, то скорее как объект научного исследования. Или как предмет интерьера в виде недавно появившегося черепа на его рабочем столе.

Словом, недоумение – оно отражалось в глазах прохожих – было написано на моём лице, пока я подходил к воротам стадиона, эклектично сочетающего в себе спортивный аскетизм и бюргерский дух пивного торжества.

Увидев Жоржа, я не преминул поделиться с ним последним наблюдением. Он, уже будучи подшофе, слегка улыбнулся. Пасмурная ли погода, алкогольные ли пары создавали ту атмосферу, в которой люди тянутся друг к другу подобно кораблям на глади воды, так или иначе образовывались группы собеседников, и около Жоржа собрался небольшой коллектив. Впрочем, наличие компании я заметил не сразу – пока я говорил, окружающие потягивали пиво.

– Видите ли, коллега, – сказал он, – это уникальная возможность. Помните наш разговор о принципе Парето? Именно его действие я и хотел здесь прояснить.

– Ну, как же, конечно, – ответил я, – восемьдесят процентов всех усилий тратятся зря, и только в оставшихся двадцати можно рассчитывать на успех.

Да, это весьма интересный феномен. Двадцать процентов жителей земли есть так называемый «золотой миллиард» – те, кто живёт на порядок лучше других. Восемьдесят процентов идей обречены на провал. Такова суровая статистика. Мы с Жоржем недавно спорили, является ли этот принцип универсальным, то есть распространённым если не на весь универсум, то хотя бы на человеческий космос. Сошлись на том, что он относится только к людям, но вот до экспериментов дело не дошло.

– Так вот, мне представляется удобным именно в такой обширной среде провести исследование на предмет действия принципа Парето. Возьмём, к примеру, пиво. – Мы в действительности взяли пиво, «Баварское светлое»; причём только тут я заметил согласованное движение группы окружающих. – Известно, что его производят во многих странах, по совершенно разным рецептурам, под всевозможными названиями. Не взирая на то, что в абсолютном соотношении достоинства продукта брожения зерновых не идут ни в какое сравнение с великолепием напитков из виноградной лозы, вбирающей пьянящие лучи солнца, культура потребления пива регулярно и успешно находит неопитов – вижу, вы догадались – в двадцати процентах случаев.

Мне показалось это утверждение несколько спорным, однако я ждал продолжения. Жорж осушил бокал залпом, что я, вообще-то, считаю несколько неэстетичным – впрочем, эстетом Жоржа назвать можно было в последнюю очередь. Идя на поводу у природы, которая не тер-

пит пустоты пивных бокалов, мы, как могли, сократили время, пока Жорж вглядывался в стеклянное дно, и затем повторили визит к одной из палаток с пивом – только на этот раз моя душа возжелала Warsteiner, и все поддержали. Я упомянул об особенностях доставки баварского пива в нашу страну, о том, как пьют его там, с горячими сосисками, и почему у нас этот обычай никогда не приживётся.

Жорж продолжал:

– Закон Парето применим ко всему человеческому. Оцените, например, принцип действия телевидения.

Я немного растерялся:

– Что же тут особенного? Вещание производится с передающих станций, ретранслируется при помощи спутников или телевышек, сигнал улавливается антеннами телевизоров или подходит к ним по кабельной сети...

– Да нет, речь не об этом. Я говорю о подаче материалов. Как отличить основную составляющую телеэфира от второстепенной?

– А, ну, вроде бы логично выяснить, чего показывают больше. Это и будет главным.

– Ха! Как бы не так! Наоборот: думаете, принцип Парето известен лишь нам двоим?.. Тот. Смею вас уверить, главная составляющая телевидения – реклама. Ведь именно она занимает 20% эфира.

Я был не вполне согласен с этим силлогизмом, но идея мне понравилась, и я не стал возражать. Между тем разговор под воздействием и согревающего холодного напитка, и дальнейшей логики событий – о, вот оно, возвратное действие подобных рассуждений – стал перетекать в культурологическое русло.

– Положение нашей культуры уникально. – Жорж, изрядно захмелев, становился отличным оратором. – Именно обособленное место позволяет ей успешно конкурировать с мировым безличием.

Жорж говорил и говорил, и после третьего бокала я начал терять нить его рассуждений. В самом деле, когда человек наполняется пивом более чем на 80%, он не может рассчитывать на ясную память. Помню, было прохладно, и стал надвигаться вечер. Зажглись фонари, или мне показалось, но пространство вокруг сузилось до нашего коллектива. Оратора волновали то вопросы столкновения цивилизаций в смысле Хантингтона, то развитие социальных отношений – тут он порывался двинуться в народ, чтобы немедленно всё проверить, – и всякий раз он виртуозно оперировал цифрами, получая искомую пропорцию Парето и примеряя результат к нашей забытой богом стране.

Я почему-то вспомнил о багаже, который мы все несём за плечами. Это и детство, которое сливается в один день, но проходит дольше многих эпох человечества, это и знания, полученные в учебных заведениях, благодаря или вопреки последним, и опыт, приобретаемый в виде набитых шишек – то, что так нужно для встречи с неизвестным во всеоружии. Всё это имеет цену. Очень простое правило. Наш коэффициент полезного действия.

Мне стало грустно, я вспомнил вересковые поля, и сказал об этом Жоржу. Он вдруг остановился, глотнул пива, задумался, совершая, видимо, бесполезные 80 процентов работы мозга. Взгляд его затуманился, и, чётко выговаривая каждый звук, он запел:

From the bonny bells of heather

They brewed a drink long-syne,
Was sweeter far then honey,
Was stronger far than wine.³

Неожиданная, прекрасная мелодия разливалась подобно тягучему мёду, затягивая в себя слушателей, обволакивая и растворяя в себе.

They brewed it and they drank it,
And lay in blessed swound
For days and days together
In their dwellings underground.

Я почти поддался волшебному ритму и начал тихонько подпевать; Жорж был великолепен – тем более что полное отсутствие слуха ему заменяли изнурительные тренировки и строгий математический расчёт.

– Бедная, бедная моя страна. – Допев, говорил певец во стане патриотов. – Вот и ты стала той необходимой площадью для сброса бессмысленности, обеспечивающей чужое существование. В твоё сердце воткнули Макдональдс, в твоих венах течёт Kultenberg pils.

Я вмешался с неожиданной мыслью:

– Коллега, вот что я подумал: ведь если так обстоит дело, то и наше государство должно работать по сходному принципу: 20% граждан, грубо говоря, работают, а 80%, извините за выражение, идут в бессмысленный расход?

– При условии, если население страны воспринимать как единое целое. И тут перед нами встаёт дилемма: либо мы признаёмся, что это не так, либо рассматриваем людей как функциональный элемент государственной машины. В первом случае мы осознаём, что большинство населения к государству практически не имеет касательства, во втором – признаём, большинство всё равно исполняет лишь только стабилизирующую роль балласта. Это то, к чему я и веду. Вспомните, многие ли из ваших знакомых заняты реальным делом? Делом, которое, так сказать, имеет прямой, не запятанный оправданиями смысл? Нам подбрасывают занятия, которые относятся к обратной стороне фортуны. На нашей земле, отягощённой чуждым влиянием, очень мало дельных дел, очень мало дельных людей. Можете мне поверить, этот вопрос я исследовал глубоко.

У Жоржа глаза прояснились – так бывает, когда сознание начинает меркнуть.

– Да вы посмотрите вокруг! – Внезапно он повысил голос. – Кто нас окружает, мы ведь это хотели выяснить! Вот вы, юноша, кем работаете? – он обратился к молчаливым людям из нашего окружения. Те спокойно держали в руках бокалы. И не отвечали ничего. Пауза стала томительной.

Жорж снова глянул на меня:

– Коллега, сдаётся, наша бедная Шотландия наводнена неадекватными людьми. – Он было схватился за пустоту на месте отсутствующей шпаги, затем сказал мне едва слышным шёпотом: – у вас есть оружие?

– Жорж, но ведь мы не... – начал я, взяв его за руку. Но припомнил, что сладко и легко говорить суровую правду о чужой стране, даже если правда – о твоей. В голове, как тогда

³ Из вереска напиток Забыт давным-давно. А был он слаще мёда Пьянее, чем вино. – Начальные строки «Heather ale», Robert Louis Stevenson, пер. С. Я. Маршака.

показалось, пронесли мысли-открытия: так вот каким феноменом объясняется и языковая политика, неосознанно сводящая более эффективное средство общения к 20% распространения, и о самопроизвольной сегрегации. О том, что серая масса необходима для существования людей, пробивающих путь эволюции, и что именно эволюция приводит к такой структуре, оптимальной для вида. Чуть помявшись, я предложил: – Господа, а не выпить ли нам ещё по одной, во славу Шотландии?

И настал час коллектива.

У одного из них заработала рация, он обменялся с ней невнятными словами, затем уверенно бросил другому:

– Пелюхович, кажется, господам интеллигентам пора на выход.

Огни фонарей полыхали ярче солнца. Жорж посмотрел под ноги и сказал:

– Опыт удался.

О НУЛЕ

Данные материалы защищены законами и международными соглашениями о правах на интеллектуальную собственность. После прочтения нижеследующего текста вы должны передать правообладателю \$0 или эквивалент в национальной валюте как безвозмездное отчуждение в его пользу – либо прекратить чтение немедленно.

Читая эти строки, вы тем самым выражаете своё полное согласие.

Жорж изучал черновик, а я мелом начищал оконечность кия, рассеянно глядя по сторонам. Клуб «П.13» был немногочислен. В отдалении, у стойки бара о чём-то весело шумели официантки; впрочем, их негромкое щебетанье перекрывала лёгкая музыка, заполнявшая уютный полумрак. Подвешенные под потолком телевизионные приёмники, казалось, общались между собой, не обращая на нас никакого внимания, развлекаясь экстравагантными сюжетами наподобие марша роты почётного караула у кремлёвских стен, с вероятной барабанной дробью и блеском солнца на хромовых сапогах.

– Очень интересное рассуждение. – Сказал г-н Павленко. – И ранее я замечал за вами смелость мысли, но здесь, похоже, наблюдается очевидный прорыв.

– Спасибо, Жорж. – Ответил я. – Ваша очередь разбивать.

Жорж отложил бумагу, взял кий и подошёл к столу. Давненько мы не сходились у бильярдного стола – подобное случается обыкновенно или от нечего делать, или от чрезмерного количества дел. Я обретался неподалёку от клуба, а Жорж в последнее время таскал Чугуниевского за собой, знакомя его с плодами цивилизации. Тот переменял выжидательную позицию в углу мягкого дивана, обитого чёрной кожей, подобрал черновик и погрузился в него.

Тем временем одна из официанток, разглядев среди нас потенциального клиента в лице Чугуниевского, подала меню. Однако он, по всей видимости, перенявший от Жоржа иррациональную неприязнь к блюдам *a la carte*⁴, отстранённо выразился в том смысле, что мы уже отобедали, а вот за пепельницу спасибо.

– Вы удачно используете инерцию человеческой мысли. В самом деле, понимая, что восприятие – впрочем, как и всё остальное – есть процесс фрактального типа, мы приходим не только к неизбежности преодоления любого искусственного барьера, но и к необходимости такового для привлечения внимания.

Г-н Павленко чётким движением направил биток в пирамиду, и шары хаотически распределились на бильярде.

– Другая ваша догадка меня и вовсе восхищает... Некоторые недооценивают значение нуля, – серьёзно произнёс Жорж, – а ведь именно он лежит в центре всякой идеи, в основании всякой теории. *Nullum*⁵ значит ничто, и эффект от вытягивания, выворачивания ничего наизнанку даёт современный счётный смысл нуля – то есть, когда считать нечего. Но мы растягиваем его дальше, в определённую структуру, и чем мощнее прилагаемое усилие, тем сложнее

⁴ Букв. «по карточке», заказ в ресторане отдельных блюд меню (фр.).

⁵ Ничто (лат.), нуль.

и больше, и устойчивей выходит результат. Так художник, высосав из пальца сюжет картины, создаёт шедевр – а ведь если вдуматься, в основании любой картины лежит ничто, соприкасающееся с иным ничем, раздутым до нашей культуры, отображением которой является зритель. Так же точно и писатель создаёт свои миры из пустоты, из нуля, раздвигая их границы при помощи слов.

Приняв значительный вид, в разговор вмешался Чугуниевый: – Как отмечает Усама бен Ладен, лучше ставить на сильную лошадь. – Мельком глянув на окружающих, он вернулся к чтению, что-то бормоча себе под нос.

Жорж удивлённо сказал мне вполголоса: – И где он этого набрался?.. Ума не приложу. Что на глаза попадается, то и болтает. Когда растёшь, часто бьёшься головой. – Он потёр подбородок. – Кстати, сегодня страна ковбоев по общему уровню финансовых накоплений, с учётом всех долгов и государственных расходов, в балансе своём, по некоторым оценкам, имеет ничто иное, как ноль. Более наглядного примера по раздуванию нуля до современной мощи США, пожалуй, и не подберёшь. Впрочем, и всё человечество...

Чугуниевый отчётливо произнёс: – Джеффри Уикс и Макатур Феллоу утверждают, что наша вселенная конечна, невелика, и по форме напоминает футбольный мяч, то есть додекаэдр Пуанкаре. – Отставив руку с сигариллой, он посмотрел мимо нас. Жорж развёл руками.

Мы уверенно продвигались в игре, загоняя шары в лузы. За соседним рядом столов случайные посетители осваивали американский вид бильярда. Иногда новые гости сменяли старых, сновал персонал, но в целом окружающая картина не менялась.

Г-н Павленко, виртуозно орудуя кием, размышлял вслух: – Между прочим, по поводу вселенной в виде футбольного мяча. С одной стороны, конечно, она есть фрактальная функция от нуля. Волна Большого взрыва растягивает, раздвигает границы мироздания... С другой стороны, удивительно, как люди постоянно наступают на одни и те же грабли эгоцентризма: сперва центром вселенной была Земля, затем Солнце. Теперь, судя по всему, мировым пупом является телескоп Хаббла.

Я уточнил: – Коллега, вы имеете в виду, что границы вселенной определяются границами нашего понимания?

– Совершенно верно. Вопросы конечности и бесконечности в мировом масштабе попросту не имеют смысла, не говоря уже о том, что нельзя переносить образы макромира, в котором мы с вами пребываем в качестве людей, на микро- или мега-уровень. Гипостазирование (проще говоря, субстанциализация) края мира происходит в наших головах. Это всё равно, что пытаться представить себе бесконечный бильярд – но ведь, как нам доподлинно известно, у него есть борта и лузы. Мы растягиваем представление о вселенной до её размеров, не замечая подмены предмета. Кстати, рекомендую бить от борта, – Жорж показал мне направление верного удара, и я с удовольствием загнал последний шар.

– Партия! – в моём голосе звучала радость. – Ну что, ещё одну?

– Нет уж, пойдёмте лучше на воздух.

Мы покидали пределы клуба. Осенний вечер обнимал нас лёгким прохладным ветерком, под ногами шуршали опавшие листья. Немного задержавшись, я теперь нагонял впереди идущих; Чугуниевый нёс мои бумаги и браво скрипел сапогами.

– Интересно, – сказал я, – Усама бен Ладен – это тоже функция от нуля?

Чугуниевый, вдруг остановившись, произнёс: – Читая эти строки, вы тем самым выражаете своё полное согласие.

О ЧИСЛАХ

Жёлтые листья, яркие среди бледного дня, едва колыхались на чёрных ветвях каштанов. В стороне, за пределом аллеи, едва слышался монотонный гул автострады – этот звук насыщался движением пронсящих автомобилей, пронзающих осеннее пространство влаги, туманов и дождей.

Низкое небо, провисающее под тяжестью остывающих туч, впереди, в сотне размеренных шагов, соприкасалось с верхушками деревьев, тем самым создавая впечатление, будто огромные ветки тянутся ввысь без конца, и лишь серая мгла скрадывает их величие.

Оставив за спиной западный ход, мы с Жоржем удалялись от его дома, сминая ногами пожухлую листву, уже не шелестящую, но сыростью постепенно превращаемую в землю. Шли и говорили.

– Ваши доводы, коллега, весьма и весьма резонны. Более того, я имею основания полагать, и тем приятно удивлён, что миг вдохновения, побудивший в вас исходную догадку, лежащую в основе рассуждения, был отмечен... мнэ... – Жорж запнулся, сопровождая вместе со мной взглядом осторожную белку, украдкой пересекающую аллею. Его мысль, безусловно, опережала возможности культурной речи – и в моменты сосредоточения не стремилась вернуться к начатой фразе.

Я припомнил, что впервые подумал о том, как бы выглядела жизнь без цифр, когда отмечали очередной юбилей кого-то из дорогих и любимых, лица которых всегда с тобой. Мы ими окружены, и мир без чисел был бы иным. Возможно, сказал тогда я себе, не проникни число в основу культуры на заре человеческой цивилизации, мы бы развили и принципиально другие технологии, и совершенно отличный социум.

– Говоря вообще, – мой голос гармонически дополнял мерные звуки шагов, – удивляет не столько наличие цифр у самых разных народов, сколько отсутствие их в природе. Если бы люди не изобрели способ упрощать, низводить окружающий мир до дискретных явлений...

– Коллега, не забывайте, – механически проговорил Жорж, – ещё Леопольд Кронекер⁶ утверждал, что натуральные числа придумал господь бог, а все остальное дело рук человеческих.

– ... то из нашей эпистемы попросту бы исчезли все идеи, так или иначе увязанные с цифрами. В сущности, меня взволновало то прискорбное обстоятельство, что наука никак не в силах не только уяснить себе принцип работы человеческого мозга, но и тем более создать нечто подобное *in vitro*⁷.

Жорж достал из внутреннего кармана портсигар, поднял его вмиг запотевшую крышку, холодно мелькнувшую желтизной благородного металла, извлёк сигарету. Белка, махнув на прощанье рыжим хвостом, скрылась среди ветвей, уходящих в туманное небо.

⁶ Кронекер (Kronecker) Леопольд (7.12.1823, Лигниц, ныне Легница, Польша, – 29.12.1891, Берлин), немецкий математик.

⁷ В пробирке (лат.).

Меня в целом занимала проблема конструирования интеллектов, и теперь казалось понятным, почему никто не может ничего добиться. В самом деле, поскольку мозг есть сложный продукт эволюции, построенный на аналоговых преобразованиях, постольку повторить его искусственным способом науки, основанной на дискретном исчислении, нельзя. То есть, не наших частных способностей не хватает, но просто с давних времён в основу нашего сознательного, внешнего мышления когда-то давно была положена очень удобная модель понятий, которая, увы, не даёт возможности понять и воспроизвести внутренний, естественный механизм самого мышления.

Когда я сегодня поделился с Жоржем этими соображениями, он поднялся от доски, над которой мы провели несколько часов за игрой в го, обронил горсть камней и, помедлив некоторое время, предложил продолжить беседу на свежем воздухе.

Мы говорили и шли, причём г-н Павленко предпочитал прогуливаться в определённом направлении, придерживаясь, как я мысленно иронизировал, своей загадочной пуан-де-вью.⁸

Оставив каштановую аллею, мы зашагали по неширокой тропинке среди смешанных деревьев, окружающих нас и прежней желтизной, и коричневыми тонами с прозеленью, и голыми ветками, наконец освобождёнными от тягот активного бытия и устремившимися в неизвестность. Бордовые ягоды барбариса, избавляясь от излишней плоти, истончались, сжимались и опадали.

Жорж задумчиво произнёс:

– Очень интересно излагаете, коллега. Сложность, конечно же, не в том, что наш математический аппарат не в состоянии оперировать непрерывными величинами, это не так. Затруднение, как вы верно подчеркнули, заключается в том, что к непрерывности мы приходим через дискретность – своего рода наследие *tempora primitivus*, ранних времён человека, когда он пытался отделить себя от мира, а мир от себя. Вы тонко отмечаете, вопреки Шпенглеру⁹, между прочим, что некоторые древние культуры могли обходиться без чисел, однако все они умерли. Полагаю, вы на верном пути в поиске ключа к пониманию разума. Остаётся самая малость – избавиться от цифр.

Я подивился эрудиции г-на Павленко именно в этом вопросе, которым сам занялся столь недавно. Впрочем, широту его мысли можно было легко оценить хотя бы по великолепной библиотеке, в которой можно было заблудиться телом, но не мыслью. Однажды, уединившись среди книг, я, подобно нынешней прогулке, бродил, как случалось и раньше, по аллеям высоких стеллажей, источающих благородную бумажную пыль, касался и дорогих сердцу корешков, и неизвестных книг, у которых останавливался, листал, стараясь не столько утолить любопытство новым знанием, сколько уловить направление, в котором стремится авторская мысль. Я потерял счёт минутам и часам, путешествуя среди многих индий, погружался на дно океанов и осматривал созвездия со стороны, – пока вдруг не столкнулся лицом к лицу с весьма странным человеком, которого никогда ранее не видел. Человек, одетый во всё чёрное, сидел за массивным столом и разбирал пергаменты, причём подручным инструментом ему служила современная цифровая техника, что меня, уж не знаю почему, поразило более всего. На мои вежливые покашливания и робкие попытки приветствия он не реагировал никоим образом.

⁸ Пуан-де-вью (фр. *point de vue*) – точка зрения, а также воображаемая точка, задающая направление движения.

⁹ Подразумевается Освальд Шпенглер, в книге «Закат Европы» рассуждающий о различиях культур.

Тягостную тишину разбавлял лишь едва слышный гул настольной лампы дневного света, из-за которой нижняя часть лица незнакомца, будучи представлена в ярком освещении, казалась чрезмерно жёлтой. Мне пришлось ретироваться в замешательстве. Покидал библиотеку я, будучи совершенно подавленным, едва найдя выход, так и не попытавшись получить у её хозяина разъяснений повстречавшейся странности.

Тропинка, почти скрытая листвою, теперь вовсе перестала наблюдаться. Постепенно высокие деревья уступили место можжевельнику, едва ли замечающему происходящие перемены в природе. Мы пробирались меж кустов, когда-то, возможно, посаженных по классической немецкой модели, но теперь стоящих в совершенно хаотическом, а точнее – естественном порядке.

Жорж говорил с волнением в голосе – казалось, для него наш разговор принял весьма важный характер.

– Коллега, несмотря на то, что специфика ваших занятий исключает возможность уделять должное внимание этой теме, выводя её в разряд хобби, или же, если хотите, дела всей жизни, на которое нет времени всю жизнь, полагаю, что ваш нюх, напав на верный след, неизбежно приведёт к цели. И, поскольку по удивительному стечению обстоятельств ваш покорный слуга занимается вопросами практического построения интеллектов – а я посвятил этому толику своего времени – считаю нелишним кое-что рассмотреть.

Кустарник начинал редеть, открывающееся впереди пространство задышало клубами студёного тумана. Слова Жоржа в нём вязли и исчезали, наши одежды уже давно пропитал мокрый воздух, насыщенный запахом можжевельника. Г-н Павленко, сколько помню, весьма осторожно относился к собственным словам, никогда не говорил всей правды или всей неправды, но дозировал информацию в строгом соответствии с моментом. Впрочем, и мой критический ум всё воспринимает через сходный обратный механизм. Однако на этот раз характерная завеса таинственности, как мне виделось, была отброшена.

– Коллега, я не просто вплотную приблизился к созданию искусственного интеллекта в теоретическом плане, как это явствовало из моих слов. Я решил задачу практически.

– В железе? – оторопел я.

– Нет, совсем нет, как вы не понимаете.

Жорж взял меня за локоть, направляя куда-то вперёд. В стороне, на расстоянии вытянутой руки, я вдруг заметил нахохлившуюся ворону, глядящую мимо странных прохожих немигающим чёрным глазом. Её неподвижность, безразличие к нашим проблемам напомнили мне о странной встрече в библиотеке у Жоржа, но тот не дал мне додумать мысль.

– Главная сложность, с которой я столкнулся на поприще конструирования разумов, заключалась в элементной базе. Как вам удалось дознаться собственными силами, всё, что наработано нашей наукой, имеет в основании жуткий костыль, глиняные ноги. Чтобы оперировать нечисловым аппаратом, мне приходится действовать как рыцарю на льду – отбрасывая латы и оружие. Мы не слепы, но приучили себя видеть лишь семь градаций света. Соль же в том, что отдельных цветов как таковых не существует, ни красного, ни жёлтого, ни зелёного, но есть лишь радуга. Так вот, мне пришлось истратить тысячи идей, массу средств, горы материала. В конце концов, наиболее рациональным подходом оказалось использование образцов, выработанных натуральной эволюцией.

Крикнула ворона, зашумели чёрные крылья, и я рефлекторно оглянулся на звук.

– Однако вы должны чётко уяснить, с чем сопряжено это дело.

Там, где воздух ещё сохранял следы от взмахов птицы, я увидел основание, на котором она сидела – аккуратный надгробный столбик.

– Посмотрите вокруг. Здесь – память о моих давних неудачных попытках, над которыми я горевал, которые и сейчас порой вспоминаю.

Я огляделся и, глазам своим не веря, как во сне, увидел стройные ряды могил с надгробиями. Что больше всего меня поразило, так это их алфавитный порядок; взгляд мой выхватывал из отступающего тумана таблички без датировки, только с именами невообразимых ааронов, абнегусов, аванесов и прочих автандилов. Величие панорамы и значимость момента подчёркивались покойной тишиной. Глубоко вздохнув, я сказал: – Так значит вот оно, кладбище ваших идей. Но, всё же, как насчёт положительного результата?

Жорж философски улынулся и стал серьёзен как никогда: – Коллега, череда ошибок – это прекрасное состояние работы. И только после удачного опыта возникают настоящие проблемы.

ОБ УПРАВЛЕНИИ

Далеко, за рекой Горынью, ночи огромны и непроглядны. Даже тысячи далёких солнц, сияющих в пустоте, почти не освещают дорогу, лишь блестя в глазах путника. Где-то рядом сверчок, заполняя собой тишину, наигрывает однотонную мелодию о вересковых полях, окружённых линией густого леса, о болотах, поросших жёсткой травой, о запахе осеннего ветра. Иди, пешеход, смотри на звёзды, слушай ночь.

Но здесь, в городе фонарей, киосков и витрин, дымка электрического света, растянувшись вдоль дороги, затмевает ночное небо. Я шагал по тротуару, оставив за спиной и закатившееся солнце, и долгий, насыщенный разговор, сопровождавшийся терпким зелёным чаем. Прохладный воздух помогал мне привести мысли в порядок; я шёл и не торопился ловить такси.

Слова беседы вертелись в моей голове, часто противореча одно другому. Постепенно складывалась целостная картина, и лишние тезисы, как я вдруг представил, попросту опали на холодный асфальт, дополняя мои следы. Образ кружащихся и падающих подобно листьям отдуманных мыслей меня заинтриговал, и я даже неосознанно оглянулся, чтобы посмотреть, как бы это могло выглядеть.

За мною с трудом поспевал щенок безымянной породы, лишённый не только клички, корма и крова, но и средоточия собственного мира, заключаемого слабым существом за пределами себя – для него не было *anima mundi*¹⁰, не было хозяина.

«Мы приучили собак доверять нам. Они нуждаются в совсем немногом – в мимолётном взгляде, добром слове, капле внимания. Ошибаются те, кто полагает, будто собаке нужна лишь еда. Ей нужна опора».

«Бедняга, – думал я, – тяжело одному. И жалко, и помочь нечем. Делай самостоятельные шаги, раздвигай свой космос вздёрнутым носом – и, возможно, точка отсчёта окажется в тебе самом».

Я подмигнул щенку, и тот, ускорив бег, тихо завилял хвостом, оказавшись в достойном молчании прекрасным попутчиком.

«Коллега Павленко, затрагивая тему управления, не счёл её сложной».

Некоторое время я двигался не размышляя, мысленно возвратившись на пару часов назад, в дом Жоржа.

Он возбуждённо ходил передо мной, обрушивая на неподготовленную (и, возможно, потому – восприимчивую) голову массив информации, взаимосвязь которой порою разрывалась под напором новых сведений. Его прогулочные сапоги заставляли скрипеть половицы, разошедшиеся из-за пристрастия хозяина к наблюдению за живым огнём камина. Впрочем, языки пламени в этот вечер несколько не занимали моего визави, и даже аромат чая мне приходилось ценить почти в одиночку. Жорж, едва вдохнув благородные пары, тут же вскакивал,

¹⁰ Душа мира (лат.).

и часто, захлёбываясь в неоднозначности современных слов, переходил на латынь. Его плащ, так и не снятый после прогулки, своими полами грозил то опрокинуть стоявшую невдалеке амфору, то зацепиться за огонь. В последнем случае, как я отмечал, иногда глядя на нас со стороны, мне пришлось бы поливать коллегу чаем, что вряд ли бы остудило его пыл.

– Именно рекуррентные соотношения! – восклицал г-н Павленко, – не стоит бояться того, что *post hoc ergo antem hoc*¹¹, этого парадокса линейной логики. Ведь в данном случае мы рассматриваем не цепочку событий, но систему как единое целое.

– Но если не вклиниваться в процесс принятия решения, то как же им управлять? – вероятно, мои вопросы казались наивными.

– Коллега, не уводите разговор в сторону. Итак...

Я снова обрёл своё шагающее тело, и ночь, не в силах одолеть самодостаточный город звёздным величием, принялась воздействовать на него холодом. Ступни моих ног почувствовали прикосновения не то льда, не то мёрзлого железа.

«Чтобы система легко приспосабливалась к изменяющейся среде, она должна быть либо самоорганизующейся, либо иметь эффективный выход во внешний контур управления, – подумал я и принялся голосовать, пытаюсь остановить проезжающие автомобили. – Однако, с одной стороны, чрезмерная централизация приводит к потере гибкости системы. С другой стороны, избыточная автономность не позволяет системой руководить при помощи директив – вместо контура управления возникает механизм настройки... Ну а поскольку налицо противоречивая ситуация, то решение следует искать соответствующими методами».

Свет фонарей в стремительно стынушем воздухе прояснялся, очертания теней становились резкими. Иногда меня настигал чёрный двойник моего попутчика, вытянутый как ноги фламинго. В эти мгновения казалось, что мой силуэт уходит в бесконечность. Я обратил внимание, что со стороны загорода движение совсем потеряло темп, остывая вместе с пространством.

«Известен целый букет приёмов решения противоречивых задач, – озябнув, рассуждал я, – но сегодня мне хочется применить мозговой штурм». Идея была несуразной. Дело в том, что для такого метода необходимо некоторое количество мозгов, по крайней мере большее одного. Но, поскольку щенка – я с сомнением глянул на него – в расчёт брать не приходилось, было не вполне ясно, как же я применю этот любопытный метод выхода из тупика, при котором каждый из участников высказывает любые, пусть даже самые абсурдные идеи. Причём, как это делают на флоте, по старшинству, от юнги к капитану.

Из бестолкового затруднения меня вывел остановившийся автомобиль. Перебросившись парой слов с толстячком за рулём, я стал усаживаться в машину. «Вот, – решил я, – кто войдёт в состав команды на правах младшего». Между тем, к ещё отворённой двери подбежал щенок, и вдруг принялся неистово лаять, глядя мимо меня.

– Фу! – инстинктивно скомандовал я, а водителю вполоборота пояснил: – Это чужой, увязался.

¹¹ Происходящее позднее служит причиной произошедшему прежде (лат.).

Тот нажал на газ, я со вздохом захлопнул дверь, с сожалением бросив последний взгляд на своего недавнего компаньона.

– Терпеть не могу собак, – пояснил человек за рулём. Я промолчал. Похоже, у них это взаимно.

Чуть попривыкнув к полутьме, я пригляделся к интерьеру салона автомобиля и сделал вывод, что водитель подобрал меня вовсе не из желания слегка заработать. Более того, некоторая вычурность наводила на мысль, что владелец машины – попросту парвеню. Вполне возможно, решающим фактором такой оценки послужило молчащее радио, что в моих глазах тогда показалось попыткой скрыть от самого себя безоговорочное к нему пристрастие. Делаем скидку на мою усталость. Я говорил:

– Знаете, японцы разработали интеллектуальный автомобиль, который уже сегодня может самостоятельно ездить по дорогам без помощи водителя, я недавно вычитал.

– Да, что-то такое я слышал, – ответил обладатель бороды.

– Так вот, – продолжил я, обрадованный его вялым интересом, – пока эти модели ездят практически как трамваи по рельсам – будучи отвязаны от коммуникаций, спутникового наведения либо подобных средств, они оказываются беспомощны, не могут... хм... и шагу ступить.

– Ха-ха, – спокойно заметил водитель. Мы неслись по проспекту, совершенно не обращая внимания на нелепое ограничение скорости.

– Есть и другие технологии, вы же знаете, что автомобилестроение – передовая отрасль капиталистической индустрии. В частности, некая фирма предлагает оснастить примитивным сознанием (да-да!) основные узлы и механизмы машины. Самая любопытная проблема возникла, когда конструкторы принялись решать, какую же свободу воли предоставить этим агрегатам, ведь возмёшь всё на себя – так мы сегодня имеем эту ситуацию с множеством смертей по вине человека; дашь волю технике – ещё не известно, куда она тебя в один прекрасный момент завезёт.

Толстяк пожевал бороду, и, улыбаясь, сообщил:

– Знаете, я имею некоторое отношение к управлению. Ну да, ведь я же за рулём. Так вот, предлагаю готовое решение: для начала следует определиться, нужно ли автомобилем вообще управлять.

– Довольно-таки странный вопрос.

– Вовсе нет. Я поясню. Машиной управлять не нужно. Когда она стоит в гараже, пусть эта ваша электроника оживает, ремонтируется, я не возражаю. Вместе с тем, автомобилем руководить необходимо, когда хочешь куда-нибудь поехать. Всякая спутниковая навигация спасует перед нашим историческим бездорожьем.

Я был потрясён пронизательностью собеседника. Как так, не зная ни предмета, ни метода... Я даже не удержался и высказал ценную для себя мысль:

– Знаете, есть ещё мнение, что управлять автомобилями будущего вовсе нет никакой необходимости: если сделать их автономными, не обременёнными центральной координацией движения, они войдут в структуру города просто как те же голуби, коты или собаки, как когда-то – лошади. Только за последними приходилось следить...

Мы подъехали к пункту назначения. Я расплатился крупной купюрой, и, ожидая сдачи, благодарил бородача за содержательный диалог, как вдруг у него зазвенел телефон. Он пытался скомкать разговор, но, очевидно, его собеседник не проникся чужими сложностями, и говорил без стеснения. На этом же конце воображаемого провода человек вынужден был отвечать односложными «да» и «нет», пока не отсчитал сдачу. Выходя, я обернулся, чтобы сказать последнее «прощай», и внезапно со всей возможной чёткостью мой извозчик произнёс: «Уис!» – и чуть погодя завершил разговор, тронул машину с места и исчез в ночи.

Я стоял, не понимая, что происходит. Это странное слово, уже слышанное однажды при весьма сложных обстоятельствах, заставило меня вспомнить недавние слова г-на Павленко:

– Эти создания живут собственной жизнью, контроль совершенно утерян. Они мало чем отличаются от людей. Поймите, я пичкал их знаниями едва ли не больше чем себя. Технически-то и вовсе подобны человеку, только вот несколько смещён их центр мира, если можно так выразиться. Их немало, и рассеяны они по земле, будто звёзды по небу.

Я вздрогнул, собрался с духом и подумал: «А ещё на них лают собаки».

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ

Неожиданная. Стремительная. Обжигающая, сияющая, нежная. Не оглядываясь на осколки прошлых дней, отбросив не успевающий за событиями календарь, с утра на город обрушилась зима.

Было безветренно. Небо, опадающее на землю в виде снежинок, то мелких, неотличимых от бисера, то громадных, напоминающих стаю майских жуков, казалось, наконец обрело то единство с ландшафтом, в котором лишь возможны и покой, и сны, и нега.

Кованая решётка, изгибаясь чёрными прутьями, отделяла белый свет от окна, за которым укрылись любители полистать журнал за чашечкой кофе, поговорить в узком кругу, для чего нет лучшего места, чем среди себе подобных искателей уединения, да и просто согреть ладони. Струилась музыка. Время застыло. Чугуниевый кусал круассан.

– Кстати, коллега, – обратился я к сидевшему тут же г-ну Павленко, устав глядеть то на внезапного любителя круассанов, удерживающего взглядом и рукой небольшой томик Пушкина, то в окно, – по поводу додекаэдра. Платон настолько им увлёкся, настолько уверился в этой *quinta essentia*¹², что вслед за Пифагором, представлявшим вселенную в виде додекаэдра, наделял этой формой и землю. Но поглядите на снежную круговерть. Любая снежинка состоит из шести расходящихся лучей, причём каждый из них может разделяться только на всё те же шесть более мелких лучей, и так до бесконечности. Никто никогда не видел других снежинок. Есть основания полагать, что эта фигура носит не менее идеальный характер. Похоже, именно здесь и скрыта *sexta essentia*.

– Это очень важно, – вежливо сказал Жорж. Я хотел ещё пуститься в объяснения, почему снежинка плоская, мысленно рисуя в воздухе кристаллическую структуру льда, но атмосфера кафе не располагала к длительным рассуждениям. Мой зонт после недавнего противостояния стихии отдыхал в углу, а пальто коллеги взмокло от растаявшего снега, так что предметно рассмотреть фрактальную структуру снежинки можно было лишь выйдя наружу, чего делать отнюдь не хотелось. Чугуниевый, дитя прогресса, интересовался данным вопросом ещё меньше, чем количеством посетителей заведения.

– Самое интересное, что в центрах узлов лучей снежинки вполне можно поместить додекаэдры вселенных. Прекрасный универсум получится. – Не удержавшись, я улыбнулся. – В особенности если посмотреть на это дело сквозь решётку нашего окна.

Собственно, решётка и была единственным наблюдаемым объектом из полуподвального кафе – остальной мир скрылся в ниспадающем снегу.

– И здесь я с вами соглашусь, – заметил г-н Павленко. В отличие от меня, он сегодня больше внимания уделял сперва купатам, затем чохохбили с гарниром из тушёной капусты.

Двери в нашу вселенную открылись, и, топая ногами и отряхивая шубу, вошла девушка – а, так это же наша знакомая. Я помахал ей рукой, а Чугуниевый, на миг отвлёкшись от своего занятия, внезапно покраснел и уткнулся носом в книгу. Дама была не одна, и вновь прибыв-

¹² Пятая сущность (лат.), квинтэссенция. Додекаэдр представляет собой многогранник, ограниченный пятиугольниками.

шие проследовали за отдельный столик. Мы с Жоржем переглянулись; в его глазах искрилась ирония, и если был бы изобретён прибор, переводящий мимику людей в словесную форму, то фонд мировой мимोगрафии мог бы пополниться говорящей игрой взглядов, пробуждающих память о занятной истории.

Я: «Коллега, будьте милосердны». Откидываюсь на спинку стула и с невольным удовольствием ныряю в реку воспоминаний.

Жорж: «Смех смехом, но, в конце концов, Чугуниевому это пошло на пользу». Барабанит пальцами по столу и с разбегу плюхается рядом со мной.

Чугуниевый: «*Procul este, profani*».¹³ Сосредоточенно листает Пушкина. Наблюдает круги на воде.

А дело было так. Г-н Павленко исследовал чувство симпатии. Конечно же, невозможно все опыты ставить на себе, да он к этому и не стремился. Идея эксперимента заключалась в развитии симпатической связи между подопытным (на месте которого оказался Чугуниевый) и каким-нибудь предметом, с тем, чтобы в дальнейшем оценить характер и меру проявления этой самой связи при сближении либо отдалении объектов, при попадании в зону видимости, слышимости, обоняния, осязания, возможно вкуса, при изменении свойств предмета и так далее. Ничего экстраординарного как будто бы не ожидалось, до тех пор, пока не пришло время выбрать объект воздействия.

Поскольку известно, что наибольшим пристрастием человеческих существ, не считая безделья, является тревоугодие, то Жорж логично предположил, что и в этом опыте следует использовать гастрономический подход (о влиянии пищи на научные изыскания не рассуждал разве только ленивый). Начиная, что называется, *ab ovo*¹⁴, взяли яичницу обыкновенную, без приправ, и принялись скармливать подопытному в качестве единственного и обязательного блюда, чтобы, таким образом воспитав в нём зависимость, симпатию к этому блюду, впоследствии проводить намеченные измерения. Однако, – что за превратности природы! – чем дальше продвигалось дело, тем питомец становился всё более угрюмым, раздражённым и даже временами несдержанным, проявляя агрессию в форме отказа от чтения журналов и книг, а однажды вовсе швырнул тарелку с дымящимся «шедевром» кулинарного искусства на пол и объявил голодовку.

Жорж, будучи упорным, но гибким исследователем, вынужден был прийти к неутешительному соображению: чтобы воспитать в подопытном симпатическое пристрастие к некоторому блюду, следует этим блюдом отнюдь не пичкать, но, напротив, исключить оное из рациона. Притом, возникал парадокс: не зная о существовании продукта, Чугуниевый не мог вспылать к нему чувством, потребляя же его в больших количествах, не испытывал ничего кроме отвращения. Вклиниваться же в работу мозга напрямую означало отойти от сути эксперимента. Оставалось дразнить да искушать – однако это было уже не наукой, а искусством. Жорж подключил к опыту меня.

Я, вволю повеселившись, с интересом принялся за дело, вместе с тем предложив г-ну Павленко отказаться от экзекуций вообще, но воздействовать на несчастного методом частного интереса, поручив последнему для отвлечения внимания какую-нибудь несложную и однообразную, рутинную работу и проводя досуг в дружеских (и ключевых для обработки) беседах.

¹³ Прочь, непосвящённые (лат.).

¹⁴ От яйца (лат.).

В большом доме всегда хватает занятий, и Чугуниевому поручили разбирать корреспонденцию с обязанностью отвечать на несущественные письма. Задача была непростой, учитывая многолетние почтовые завалы, на которые сам хозяин дома давно махнул рукой. А что за прелесть были эти письма! Многие, написанные по-английски, по-немецки, на других европейских языках, охватывали географию всего цивилизованного мира и даже выходили за его пределы в Антарктике и в одичавших африканских районах, но более всего подкупал обширный круг тем, будто Жорж временно исполнял обязанности английской королевы. Многие предлагали свои услуги самого разного рода, многие интересовались практическими результатами изысканий такого богатого спектра, будто Жорж олицетворял собой многопрофильный научно-исследовательский институт. В общем, складывалось впечатление, что однажды г-н Павленко для решения серьёзной задачи не пожалел времени и развёл бурную деятельность, привлекая внимание хоть как-то полезной публики, затем цели своей добился и к переписке охладел. Поток же писем, давно нарушив баланс между исходящими и входящими под воздействием обретших самостоятельность рекламных материалов, не иссякал. Но вернёмся к эксперименту.

Задушевные беседы не давали результата. Я с огорчением констатировал, что вечеров мне понадобится гораздо больше. Очевидно, Чугуниевый видел во мне Жоржа как человека с шипящей сковородкой, да простят меня повара хороших ресторанов.

Решив подойти с другого конца, через некоторое время я подключился к разбору почты в качестве консультанта. Каково же было моё удивление, когда решение задачи обнаружилось само собой: Чугуниевый завёл переписку с некоей Туттой, – первоначально от лица какой-то ассоциации она приглашала адресата выступить с докладом на очередном семинаре – которая, будучи и знакомой, и недоступной для него, вдруг стала предметом вождления. Быстро перейдя в неофициальную плоскость, её ответы были вполне сдержаны и ироничны, однако наш подопечный этого не замечал. Его послания, эти порождения вороха романтической литературы из дальнего угла библиотеки Жоржа, вкупе с недавно перенесённой гастрономической травмой поднимались к высотам поэтической мысли, облачали Тутту в платье из лепестков незабудок, называли её весенним облачком пустыни, звездой путеводной. Помещали самого страдальца то в угрюмый замок, то в безлюдье, то, возвышая до уровня предмета обожания – любопытный психологический момент – в небо, добавляя ещё одно облачко к первому. В этом письме далее следовали не вполне передаваемые подробности из жизни двух любящих облачков.

Что же, мы с г-ном Павленко – о, этот его талант вести переговоры! – условились встретиться с этой самой Туттой, нашей внезапной спасительницей. Она оказалась милой дамой, с устроенной жизнью, и, поддавшись уговорам Жоржа, согласилась пожертвовать несколькими часами своего безусловно драгоценного времени ради прогресса человечества. Люди посреди житейских перипетий иногда, если это занимает не слишком много времени и средств, делают широкие жесты, в особенности если их при этом хвалят. Идеей войти в историю науки – всё Жорж, сама непосредственность – дама попросту загорелась. Странность эксперимента, конечно же, только добавила жара огню.

Мы направлялись к скромному заведению неподалёку от места обитания Тутты, причём Чугуниевый был поставлен в известность, куда он направляется. Надо отметить, приборы тут же начали фиксировать рассеянную безадресную симпатию – это и неудивительно, ведь объект до последнего момента был для подопытного идеальным. Чугуниевый ёрзал на своём сидении, помимо воли пытался избавиться от встроенных под кожу датчиков. Кажется, про-

езжая под мостом, в полумраке, я заметил, что глаза его в полутьме слегка светились двумя фиолетовыми точками.

Однако жизнь поломала все наши ожидания. Чугуниевый не признал в Тутте реальной свою воображаемую обожаемую. Поначалу они попытались поговорить о тучках, но тема быстро себя исчерпала. Возможно, часть вины лежит на нашем с Жоржем неявном присутствии, однако наука есть наука – ведь события, которые происходят без наблюдателя, в определённом смысле не существуют. Тутта героически хотела нравиться. Её глаза горели, и не слабым светом, а добротным искусственным сиянием косметологически безупречного лица. Чугуниевый сникал на глазах. Его речь замедлялась, взор потупился, и, похоже, единственное, что их объединяло, это методический хруст тонкой корочки пирожных, которыми мы снабдили парочку, наряду с шампанским и прочими атрибутами подобных встреч.

Разочарованные, мы отблагодарили Тутту, причём Жорж всё убеждал её в важности отрицательного результата, который, к тому же, никогда не бывает окончательным. Хотя, насколько я разбираюсь в физиогномике, вежливое молчание Тутты выдавало и жуткий стыд, и желание стереть из памяти и эту неудачу, и всю нашу компанию.

А наш подопечный на несколько дней ушёл в книги.

За чёрной решёткой что-то происходило – это снег, греясь на асфальте, всё же принялся таять, а воздух – проясняться.

Я отвёл взгляд от Жоржа и, не глядя на Чугуниевского, произнёс давно вертевшуюся на языке остроту:

– Коллега, а знаете ли вы, с чего начинался обычный римский обед времён империи?

Жорж машинально ответил:

– Это так просто. Конечно, в начале было яйцо.

Чугуниевый не вытерпел и вскочил с места, взбежал по лестнице и покинул помещение. Что-то стал он не в меру возбудим. Потихоньку мы собрались и вышли на улицу; по ходу дела я подобрал осиротевший томик Пушкина и заглянул в него из любопытства – тот был открыт на развороте со стихотворением «Поэт и толпа».

Маленькие вселенные, скрывавшиеся так недавно в снежинках, эти бесчисленные миры исчезали в водосточных канавах вместе с тающей зимой. Осень с насмешкой изгоняла поторпившуюся с визитом очаровательную гостью, вновь овладевая городом, стряхивая с крыш холодные брызги.

Ранимая натура куда-то подевалась, а меня вдруг озарила дивная догадка:

– Жорж, мне кажется, наш опыт с Чугуниевым и Туттой был удачным! Ведь она появилась в кафе именно после того, как тот принялся жевать те же сладости, что и в момент их единственной встречи!

Г-н Павленко покачал головой.

– Да, вы правы. Эксперимент завершился. – Внезапный ветер играл его шевелюрой. Город обретал очертания. – Видите ли, коллега... Я долго искал, что же делает человека человеком. Разум? Да, но не до конца. Разум – неперемное, но не достаточное условие. Не хватает малости, какой-нибудь капли гранатового сока, чтобы те же купаты не потеряли своего доброго имени. Я всё ещё задаюсь вопросом: неужели это любовь? Не есть ли это шестое чувство, отличающее человека от обезьяны?

– Не совсем, – сказал я, – не просто любовь. И не столько любовь. Неразделённая, отвергнутая, несчастная, чувство к несуществующему, не имеющему опоры. Умершая надежда. Обманутая мечта.

Жорж щёлкнул пальцами, протянул руку, подобно Пушкину, читающему «Полтаву», и произнёс:

– Нас определяет противоречие!

ОБ ИМЕНАХ

Тротуар, покрытый мелкой плиткой, узкий, длинный, мокрый и холодный, как шея плезиозавра, изгибался и терялся впереди из виду, возможно, там окунаясь в ледяную реку. Его гладкая поверхность едва слышно шелестела от соприкосновений с ветерком, талой водой и ногами прохожих.

В западной стороне бледное пятно солнца почти пробивалось сквозь дымчатую завесу туч. Серые дома, выстроившись вдоль дороги, иногда перемигивались между собой, то освещая окна изнутри, то гася свет, будто пребывая пока в неуверенности: надолго ли хватит солнца.

Мне пришлось вернуться за забытым зонтом. Повторно выходя из кафе, я взглядом попрощался с Туттой. Её спутник сидел к выходу широкой спиной, вследствие чего рассмотреть его бородатое лицо было возможно лишь в зеркальных очках дамы.

«А ведь я его, похоже, знаю», – вдруг подумалось мне. – «Ездит на дорогой машине и испытывает взаимную антипатию к собакам. Кроме того, он не человек».

Я поднимался по ступенькам и соображал, что же делать мне с таким знанием, стоит ли им делиться и вообще, может ли знание о мире влиять на мир. Толкнул податливую дверь и, напевая под нос «человек собаке друг, это знают все вокруг», снова шагнул в туманистый воздух.

Г-н Павленко рассеянно глядел на голубей, вдруг разом оторвавшихся от земли – возможно, они ему напоминали стаю встрепенувшихся крыс, только сизых, с крыльями и без ушей. Ведь, в сущности, что мы знаем об образах, возникающих в иных головах?..

«Однако Жорж должен был узнать своё изделие. Разве что только пластическая операция... Или же он имеет свои резоны не замечать толстяка, равно как и тот – Жоржа».

– Коллега, – сказал я, – что за имена стали появляться. Взаимопроникновение культур – процесс полезный для понимания друг друга, но ведь он угрожает самобытности. Смотрите, уже сейчас трудно встретить немца, не понимающего по-английски, трудно встретить англичанина, обходящегося без немецких сосисок или китайских петард. Так, скоро говорить станем на английско-мандаринском наречии, а по улицам нашим зашагают раскосые Джоны с Туттами.

– А что, ведь Тутта – это совсем не плохо. – Произнёс Жорж и процитировал Яна Экхольма: – Исключительное существо из самой добропорядочной семьи на свете.

– Позвольте, так вы изволите спорить с опасностью уменьшения уникальности во всём?

– Коллега, вы всё ещё не до конца прониклись сутью противоречивости, вытекающей из сложности жизни вообще и деятельности разума в частности, лежащей в основе человеческого общества. С одной стороны, человечество существует как процесс преобразования энергии в упорядоченность, в усложнение собственной структуры и окружающего мира. Поэтому, кстати, слияние социумов в единое человечество попросту невозможно.

– Да-да, – кивнул я, – на этот счёт интересно рассуждал Пригожин,¹⁵ а Тьюринг предлагал рассматривать самоорганизующиеся системы как диссипативные, синергетически...

– Не перебивайте. Человечество, как структурогенная среда, основывается в свою очередь на гомеобоксах, то есть рассеянных среди людей социогенах, благодаря которым из однородной группы людей появляется и административно-командная пирамида, и всяческие клубы по интересам, и культурно обособленные образования, и всё такое прочее.

«Любопытно, – подумал я, пока Жорж проговаривал свою мысль, – проходящие мимо горожане едва ли думают о себе как о части человечества. Быть и осознавать – несколько разные вещи». Прохожие слышали, но не обращали внимания на нашу беседу. Жорж продолжал:

– Эти самые люди, с другой стороны, должны как-то общаться между собой, владеть общим метаязыком, позволяющим осуществлять как индивидуальное, так и межкультурное взаимодействие. Существует такое понятие как университет – это своего рода фабрика толкователей смыслов. Ведь если люди не поймут друг друга, то одна клетка мегаорганизма элементарным образом съест другую, более слабую клетку – именно это мы и наблюдали так ярко в эпоху колонизации Америки, да и всю историю человечества.

– Интересно у вас получается: вы хотите сказать, что можно всех одеть в униформу, выучить одному языку, выделить ячейку в сотах улья – и всё равно общество не утратит гибкости. – Жорж неопределённо повёл бровями и, давно держа в руке сигарету, полез в карман пальто за зажигалкой. Огонёк долго не хотел разжигать взмокший от сырости табак, однако человек организует материю, и в конце концов Жорж победил. – Улей, говорите? – улыбнулся он. – Не самый плохой пример; он так напоминает военную организацию... Пчёлы, такие одинаковые с виду, имеют чёткую специализацию: есть у них и разведчики, и сборщики мёда. Так что одно другому не мешает: полосатая спецодежда, аскетические камеры для тружеников – и наилучший среди прочих обитателей планеты результат по сборке мёда. Вот так-то. Что же касается индивидуализма, присущего западному обществу, то эта модель взаимоотношений в социуме, по мнению многих востоковедов, не то чтобы не эффективна... до поры до времени мы наблюдаем очевидные достижения... не – западное общество основной массой человечества воспринимается как нездоровое. Оно – как организм, клетки которого пожирают слабейших. – Я озадачился парадоксом. Мой собеседник уж точно давно не замечал ни мчащихся автомобилей, ни прохожих, которые если и имели какие-либо хищнические виды на окружающих, то вполне скрывали их за беспечным выражением прогулочных лиц. Я заметил: – И, в то же время, вы утверждаете, что, даже будучи одинаковыми, обезличенными, люди всё равно организуются в разнородные сообщества.

– Ну да, – наполняя дымом влажный воздух, отвечал г-н Павленко, – ведь и пчёлы не живут в одном улье, и мёд собирают разный. – Я не унимался: – И всё же, мне не до конца понятно, как же возможно соединить два противоречивых подхода: есть нужда в обществе, монолитном по содержанию, но разделённом по форме. Не представляю, как такое возможно. – Г-н Павленко заметил перед собой под тонким слоем талой воды пятак, неторопливо подобрал его и предпочёл дискуссию закрыть: – Правильно мыслите, – сказал он. – Мощь и слабость синергетики в частности и математики вообще – в их ориентации на описание конкретных моделей мира, при этом задача понимания получаемых конструкций всецело возлагается на человека. И когда, вооружась математическими методами, мы берёмся описывать человеческое сообщество, то с удивлением обнаруживаем два занятных момента. Во-первых, кое-какие

¹⁵ В 1977 г. бельгийскому учёному Пригожину была присуждена Нобелевская премия по химии «за работы по термодинамике необратимых процессов, особенно за теорию диссипативных структур».

измерители для собственного удобства люди и так уже давно выдумали – это человеко-часы, лошадиные силы, деньги, наконец. Во-вторых, наиболее точно описать можно сообщество, представляющее исторический труп – ведь иначе организм развивается, живёт, а значит меняется. Только закончишь портрет эпохи наподобие «Войны и мира» или «Капитала», пройдет немного времени – и всё уже несколько не так.

Мы двинулись по направлению к набережной. В эту пору ещё можно наблюдать волны.

– Так всё же, коллега, только представьте, что все носят одни и те же имена и лица. Как же найти человека? – Я ждал ответа; Жорж пожевал губами и глянул на меня с академическим пафосом: – Найти человека? Это совсем несложно. Представьте себе точку. Это миг рождения ребёнка. У него есть обширные перспективы, как по дальнейшему местопребыванию, так и по делам, которые предстоит свершить. С каждым новым днём он продвигается дальше, и вот уже точка обращается в небольшое кольцо. Круг интересов ширится, и кольца эти, будучи составлены одно с другим, образуют расширяющуюся чашу. Далее, продвигаясь по времени, человек достигает максимума своих желаний и возможностей – в этот момент мы наблюдаем полусферу. Затем, избавляясь от иллюзий, субъект продвигается по сужающемуся коридору жизни к закономерному финалу в виде точки. Таким образом, человека можно локализовать как сферу. Впрочем, это – идеальная фигура, а в реальности же наиболее близкое подобие имеют образцы жизней в виде *ovum*, яйца.

Мы двигались вдоль объёмных в силу внутреннего свечения витрин. Впереди слышалось дыхание воды. Г-н Павленко хохотнул, но меня не слишком увлекла его шутовская фантазия. Разве что представилось, какие причудливые фигуры принимали жизни некоторых деятелей – кто-то виделся подобием раковины улитки, а кое-кто и вовсе червём.

– Ну, а если говорить серьёзно, – Жорж всё ещё улыбался, – то всякое человеческое сообщество заковывает себя в скорлупу, или, точнее, в так называемый термостат. Форма, разумеется, лишь условность, главное в том, что происходит изоляция от внешнего мира. Так, первобытные племена укрывались в пещерах, и это было подобием их коллективного кокона. Затем люди стали строить дома, посёлки и города и страны, огораживаясь от природы и конкурирующих социальных организмов. – Идея с коконом ещё сильнее всколыхнула мою фантазию – передо мной промелькнули превращения гусеницы в бабочку, но г-н Павленко её спугнул: – Что же касается имён вообще, то дело здесь обстоит весьма непросто. Звёзды, скалы, птицы и деревья не нуждаются в них, существуют вне всякой зависимости. С людьми – сложнее. Иногда общества выделяются, объединяются не благодаря объективным причинам... нет, не так... иногда причиной, по которой собираются люди, являются слова. Самоназвание можно считать структурирующим фактором. Стоит, например, некоторой части народа подбросить идею, что они-де какие-нибудь остландцы, потомки славных жителей Остландии, бывшей здесь же пару веков назад, но втопанной в пыль времён грозными соседями, как определённая доля населения непременно в это поверит, а некоторые и вовсе возглавят идеологическую борьбу, которую проиграть можно только более сильным идеям. Бросьте кость в собачью свору – и там, где было голодное единство, начнётся грызня, сильные отгонят слабых, выстроится властная пирамида. Но собаки если и не часть природы, то всего лишь первая её производная; люди сложнее. Когда в человеческий субстрат попадает идея, кость, или же, скажем на латыни, *os*, тогда часть общества, прозябающая у подножия означенной пирамиды, вешает находку себе на шею в качестве украшения или талисмана. Со временем на ось, вокруг которой начинают вертеться мысли окружающих, нанизываются легенды, она будто обрастает мясом оживающего социального организма.

Я кивал, мне было интересно.

– Новый организм либо развивается и крепнет, либо начинает чахнуть. Тут мы начинаем видеть, что та самая идея, которая у крепнущих социостатов становится несущей опорой, у хиреющих попадает в зависимость от внешней среды. Если сильные культуры питаются своим отличием от других сильных, то слабые, будучи некоторое время процессом диалога меж двух серьёзных игроков, как правило, переходят целиком к одному из них, иногда – разделяются. – Жорж сделал небольшую паузу. – Итак, сегодня индивид, являясь частью всего человечества, одновременно с этим состоит в том или ином социальном организме. Более того, он может принадлежать нескольким таким образованиям, пространствам имён – например, быть одновременно отцом семейства, членом общества филателистов, тайным поклонником Че Гевары и так далее. Современная социология выделяет такое понятие как ситус,¹⁶ но этого, как видно, явно недостаточно. – Жорж сделал последнюю затяжку. Я вернулся к волнующей мысли: – Да, так как же, как же найти человека?.. – Г-н Павленко вздохнул: – Помилуйте, но зачем это нужно? Думать надо не о субъектах, даже не об их делах. Разыскивать не следы, не поступки, а то, что толкает людей их совершать. Найдя же, обратить на пользу, как энергию стихии. Вы, как я погляжу, всё ещё пребываете в счастливом неведении о том, что нам предстоит.

Я пожал плечами: что за манеры. Мы облокотились об ограду над водой. Лёгкая рябь широкой реки наплывала на берег, закованный в искусственный гранит.

«Но Жорж прав. Вовсе не обязательно искать человека, чтобы с ним встретиться. Не всегда надо видеть лицо, чтобы узнать, и совсем не нужно говорить с человеком, чтобы понять людей».

Мы глядели вниз. На холодной стене сидела спящая улитка.

¹⁶ Ситус – в теории постиндустриального общества – элемент социальной структуры, обозначающий объединение людей по их профессиональной деятельности и общности интересов независимо от их сословной принадлежности (статусов).

О ПИСЬМАХ

Солнце, опускаясь, наконец преодолело толщу облачной завесы. Его лучи отражались на ряби студёных волн, вздымаемых ветерком, блестели и переливались всеми оттенками солнечных цветов – от ледяного бледно-жёлтого до огненного медно-красного. Находясь на одном из концов этого колеблющегося иллюзорного моста, мы с Жоржем, не отрываясь от ограды, служившей нам опорой при наблюдении береговой полосы с высоты набережной, сняв перчатки, неловкими движениями пальцев бросали в реку монеты, соревнуясь в искусстве баллистики.

«Волны тянутся к ветру, – думалось мне, – а тот стремится к воде».

Вертящиеся монеты взвивались в воздух, неожиданно блестя, на миг замирали в верхней точке траектории, затем устремлялись вниз и подобно метеориту, пронзающему чёрное небо, рассекали диск утомлённого солнца; вдруг среди волн раздавалось всплеск – и больше ничего. Чтобы снова нарушить гармонию природы своим бесцеремонным вмешательством – а иначе зачем жить? – приходилось лезть в карман за очередным пятак.

Я придерживался известной практики, уверенным щелчком большого пальца направляя снаряды из импровизированной катапульты под углом в сорок пять градусов, дабы достичь максимальной дальности, и, как правило, побеждал; однако г-ну Павленко иногда удавалось выполнить особый бросок, когда монета вращается не как попало, но подобно диску. Жорж пытался мне объяснить тонкость процесса при таком скользящем полёте, но, элегантно и лёгкие вначале, его аэродинамические построения с приближением в поверхности воды превращались в тяжеловесные и сложные конструкции. Во всяком случае, я перестал воспринимать их со слов – не взирая даже на активную жестикуляцию, из-за которой докладчик, если вообразить его в лётном шлеме, стал бы неотличим от увлечённого авиатора, показывающего товарищам занятные фигуры недавнего полёта.

«Надо же! – озадаченно подумал я, потирая подбородок, – и этот век пытается избавить людей от бумаги, сводя всё к вербальному общению и цифровым технологиям...»

Ещё несколько неудачных заходов на посадку (все попытки отклонялись диспетчерскими службами в моём лице), и ладонь Жоржа, чего не бывает с самолётами, замерла в воздухе. Затем он выпрямился, скрестил руки на груди и, будучи ниже ростом, глянул на меня свысока. Мне ничего не оставалось, кроме как реализовать мысль о бумаге и ручке – потянувшись к портфелю, я принялся рыться в нём в поисках чистого листа. Это оказалось не так просто. Что же там, внутри? Так-так, рекламные проспекты, визитки, ручка, телефон, в другом отделении – ворох документов разной степени актуальности, журнал, до которого всё никак не доходят руки, и, наконец, распечатки с приемлемыми полями и, вероятно, чистой, как первый снег, обратной стороной.

– Жорж, у меня к вам небольшое предложение.

Извлекая листы, скреплённые степлером, вдруг я осознал, что это за текст, вдруг вспомнил, откуда он взялся.

О время среди книг! Что может сравниться с огромной гирляндой зеркал, отражающих и мир во всём его величии, и друг друга, и читателя! *Sub specie aeternitatis*¹⁷, человек – мимолётное существо. Он входит в жизнь внутренне пустым, и за краткий миг существования свою пустоту стремится наполнить знаниями о мире, расширить до размеров вселенной. Не этим ли так притягательны книги? Как прекрасно охватывать мыслью неизвестное, проникать в его суть, формулу, отбрасывать лишнее, соединять разрозненные ниточки представлений в единую сеть и тем постигать универсум, придавать смыслу собственную жизнь. Зарыться в книги, как в стог сена, вдыхать знания, остановить бессмысленный бег...

Приблизительно так я думал всякий раз, проходя через библиотеку в доме г-на Павленко, направляясь к архиву, где Чугуниевый под моим чутким наблюдением сортировал почту. Причём бумажная корреспонденция подлежала сканированию, оцифровке с ликвидацией физического носителя, и лишь затем, наряду с электронными входящими, пройдя обработку всяческих фильтров, отсекающих бесполезные сообщения, в большинстве своём окончательно уничтожалась бдительным уловителем смысла.

Любопытно, что, насколько мне известно, результат отнюдь не лёгкого труда не интересовал Жоржа ни в малейшей степени: письма, подразумевающие простейшие ответы, отрабатывались Чугуниевым, находчиво отправлявшим ответы в духе «искренне рад получить столь важное уведомление», а вот всё остальное... видимо, и поныне хранится без всякой пользы в электронной пыли.

Но эти выдержки из переписки (точнее, из писем в адрес доктора Павленко, как его предпочитали именовать корреспонденты), двухгодичной давности, привлекли моё внимание как тексты, проясняющие некоторые мои вопросы – да, вопросы становились чётче.

– Должен заметить, коллега, что, разбирая ваш архив, среди прочего я натолкнулся на любопытный набор материалов.

Жорж переменял позицию, разомкнул руки и приблизился к листам. Его лицо выражало равнодушие. Сообщения в подборке были связаны с производством.

«К сожалению, в настоящий момент наша компания не может удовлетворить Ваш заказ из-за ограничительной поправки Джексона-Вэнника. Но мы заинтересовались аспектами упомянутых Вами биотехнологий, они были бы, возможно, полезными для систем накопления данных и других разработок TDK. Не будет ли Вам интересно продолжить свои исследования в одной из наших лабораторий? *Искренне Ваш, Пол Балмер, TDK Electronics Corp., 12 Harbor Park Drive, Port Washington, N.Y. 11050 U.S.A.*».

«С искренним удовольствием сообщаю, что трансплантанты и прочие препараты, о которых мы беседовали в Мюнхене, не составит труда передать для Ваших исследований. Считаю долгом чести поддержать благородное начинание по изучению путей преодоления рака, в особенности учитывая потенциал Вашего учреждения. Для улаживания формальностей я свяжусь с центральным офисом. *Альберт Берингер, Boehringer Ingelheim Pharma GmbH, 3 Weinstrasse, Munich*».

¹⁷ С точки зрения вечности (лат.).

«Благодарим за отличное качество переданных в опытную эксплуатацию нашему предприятию образцов „Неолитика“. По предварительным данным, мы выйдем на расчётный уровень экономии в течение двух ближайших месяцев. Вместе с тем, следует отметить некоторые сложности, вызванные с транспортировкой, как показало служебное расследование – по вине почтовой сети. У неолитика-ХIV от переохлаждения пришёл в негодность малый дактильный выступ левой ходовой опоры, в связи с чем несколько ограничена его скорость передвижения по цеху. Впрочем, на общей производительности это не сказывается. С надеждой на дальнейшее сотрудничество, *Олег Мигов, Зарегистрированный товарный знак „Эмузин“, г. Пенза, ул. Пролетарская, 45*».

И всё в подобном роде.

Я держал в озябших руках листы, то и дело задираемые ветром, Жорж скептически проматривал первую страницу. После чтения нескольких писем он повеселел, соорудил из мундштука и сигареты серьёзную курительную установку и задымил.

Не то чтобы меня так уж сильно беспокоило наличие загадок во всей этой истории: в конце концов, не из них ли составлена жизнь? – напротив, мне казалось довольно уместным, что фрагменты мозаики или, лучше, сцены калейдоскопа, которым смело можно уподобить картину мира, содержат и несовместимые с другими стекляшки, и явные дыры, и совершенно самостоятельные острова. Дует ветер, он всё расставит по местам. Днём раньше, днём позже, однажды картина сложится, слова будут сказаны. Не нужно подгонять волны.

Г-н Павленко, кашлянув, чуть отодвинулся и, скорее на манер Смоктуновского, чем Мандельштама, а вообще – в собственном духе: чеканя слог, играя ритмом, – произнёс:

«An omnibus across the bridge
Crawls like a yellow butterfly,
And, here and there, a passer-by
Shows like a little restless midge».¹⁸

– Знаете ли, долгое время я жил в стране заходящего солнца. Многие полагают, что там выдумали прогресс. Это не совсем так, однако важной чертой англичан, при всей их склонности чтить традиции и копаться в прошлом, является насмешливое отношение к этой самой своей склонности. Минувшее подобно опавшей листве, которую по осени сгребают в кучи и жгут. Человек помогает обновлению природы, в воздухе распространяется сладкий запах будущего. Дайте-ка мне эти бумаги.

Я протянул подшивку, теперь уже почти рвущуюся из рук.

– А у прошлого никакой ценности нет. – Жорж взял листы, попытался поджечь их сперва при помощи сигареты, затем зажигалки, однако, едва обуглившись, они гасли. Ветер сдувал неуютное пламя. – К тому же, огромные империи рушились из-за неразвитой связи. Теперь, когда место расстояний в качестве губительной стихии прочно заняло море избыточной информации, мы не можем расхотеть себя на чтение всякой ерунды.

¹⁸ Начало стихотворения Оскара Уайльда «Симфония в жёлтом»: Ползёт, как жёлтый мотылёк, Высокий омнибус с моста, Кругом прохожих света – Как мошки вьются вдоль дорог. (пер. И. Д. Копостинской).

Жорж освободил бумагу, и она, подхваченная воздушным потоком, полетела над рекой, кувыркаясь, совершая сложные превращения и, конечно же, вовсе не поддаваясь математическому описанию. Через мгновение письма со следами прошлого коснулись воды и распластались, издали напоминая чайку.

Надев перчатки, он произнёс:

– Поговорим о деле. Итак, завтра на рассвете...

ОКРУЖЕНИЕ

Безбрежное снежное поле. Едва разомкнув дрожащие веки, видишь матовую пелену, бесконечную по сторонам, недостижимую ввысь, ускользающую ниже воображаемой линии горизонта. Ветер, льдистая пыль, морозный огонь на онемевших щеках. Там, впереди, куда стремится бег, стоит протянуть руку, – и, кажется, прикоснёшься к небу.

Когда человек, обретая себя, постепенно овладевает телом, его сознание проясняется, расширяясь из точки небытия до размеров окружающего мира.

Завеса в глазах тонкой полосой разделилась на две горизонтальные части, цвет воздушного океана принял голубой окрас, пронизанный серебристыми солнечными лучами, ниспадающими с невообразимой высоты; равнина засияла ледяными кольцеобразными пятнами на снегу цвета мелованной бумаги.

И обрушился звук. Сначала монотонный гул, взорвавшись и слева, и справа, нагоняя сзади, пронзил напрягшуюся спину, затем, распавшись на множество отдельных колебаний земли и воздуха, загрохотал ударами копыт и конским хрипом. Подо мной – так я ощутил себя в пути – бежал конь белой масти, ритмично пружиня и легко проникая в снежное пространство. Я завертел головой, и, вдыхая ветер, осознал, что целый отряд всадников на молочно-белых лошадях скачет к неведомой цели. Да и что есть цель, если к началу ещё можно вернуться по следам, а впереди – нетронутая даль без ориентиров и границ?

По левую руку двигался старый знакомец, молчаливый работник библиотеки – во всяком случае, в таком качестве однажды он мне повстречался. Его лисья шапка с развевающимся хвостом лишь подчёркивала восточную желтизну равнодушного лица, спокойного, будто этим светлым утром он занят совершенно повседневным делом, а снежная равнина – извечное место нашего бесконечного путешествия. Он глянул на меня, и, в повороте нагнувшись, заслоняясь перчаткой от напора воздуха, крикнул: осталось недолго, мы движемся быстро! – Меня удивил его скрипучий голос. Также наклонясь к попутчику, я, пересиливая ветер, несколько неожиданно для себя ответил: движение и есть время! – Тот, вернув себе исходное положение, чуть придержал коня, и я умчался вперёд.

Движение и есть время.

Шум в ушах, снежинки в глазах, в руках поводья. Ноги в высоких сапогах будто вошли со стремями в неразрывный союз, тёплый костюм странного кроя, на поясе сабля. Седло удерживает неопытного седока – впрочем, вообще не припомню, чтобы раньше доводилось ездить верхом. Так что степень моего удивления с прояснением ситуации только нарастала.

Справа, одетый в расшитый золотом костюм, увлечённо обозревал перспективу г-н Павленко, на миг привстав и полуобернувшись в мою сторону. Кони наши некоторое время бежали в ногу, уровень его взгляда для меня был неизменен, и сабли покачались ровно и в такт, поблескивая на солнце. Жорж приблизился и, придерживая одной рукой головной убор, прокричал:

– Я их вижу, глядите вперёд!

Последовав его примеру, я привстал в седле, приложил козырьком, заслоняющим от глаз и ветер, и солнце, ко лбу руку и глянул вдаль. Горизонт обозначился тонкой линией далёкого леса, зелёным отливом указывая на свою сосновую сущность; от линии, чуть ниже, отделилась группа точек – очевидно, это отряд, движущийся навстречу. Через некоторое время стало видно, что его численность не уступает нашей.

– Жорж, а кто это был, слева от меня, в рыжей шапке?

– Полагаю, здесь вы можете не задавать подобных вопросов: попытайтесь сообразить сами.

«Действительно, – отчего-то подумалось мне, – зачем спрашивать кого-то, если всё равно окончательный ответ найдёшь в себе».

Жорж натянул поводья и стал отдаляться, а я, обернувшись, крикнул ему: – Так это Сигизмунд Лазаревич Маузер-Альпеншток! – Без сомнения, мне стало ясно всё относительно этого существа с невообразимым именем, проводящего сутки напролёт за переносом манускриптов в цифровой архив. Странные имена вообще отличали изделия моего коллеги, в особенности после серии неолитиков. О, эти создания из плоти, крови и рефлексов, да их была целая армия. Один из образцов, XIV, с повреждённым мизинцем на левой ноге, подлежал ревиталированию, однако спецсотрудники заказчика спутали его с XVI-м, в результате чего Жоржу, в конце концов, когда недоразумение обнаружилось, пришлось подвергнуть этой процедуре не только XIV-го вслед за XVI-м, но и самих спец. сотрудников. Впрочем, командировочные листы им были отмечены в надлежащем порядке, и подмены никто не заметил.

Мы стремительно сближались; конь, разгорячившись, из ноздрей выпускал пар.

Но как мы сюда попали? Жорж накануне говорил о важном деле, об эксперименте, имеющем непосредственную важность для повседневности. Путь между вопросом и ответом часто пролегает через пустыни, овраги и леса. Птица, поднявшись в небо, свободна в своём полёте, ей не страшно бездорожье, но и она опасается гор. Человек, взлетая мыслью, всё же привязан к самому себе: от этого не оторвёшься так просто, не сменишь, как пару сапог, – и, обойдя все препятствия, оставив за спиной себя прошедшего, находишь ответ в себе настоящем. Жорж говорил о способе двигаться быстрее.

Чёрная сотня резвых лошадей, управляемая неистовыми наездниками, мчалась нам навстречу; слышался топот копыт, сминающих снег. Вне всякого сомнения, предстоял стремительный бой. Наша передовая линия выстроилась подобно клину журавлей; мы с Жоржем и Сигизмундом Лазаревичем Маузер-Альпенштоком, теперь подтянувшимися ко мне, оказались впереди и обнажили своё оружие. Противник повторил характерный жест, и сотня сабель, поднятых вверх, засверкала в лучах восходящего солнца. Впрочем, отметить красоту панорамы было некому, так как прессу никто о событии не предупреждал, а мысли участников были поглощены иными соображениями.

– Ура! – издал Жорж древний боевой клич, и равнина откликнулась сначала стократным, а затем и двухсоткратным его повторением. Так я осознал, что супостат одного с нами роду-племени. Все замахали саблями, и отряды столкнулись.

Звон клинков, эта музыка битвы, крики падающих ниц, ржанье лошадей, оголяемая стерня посреди безымянного поля, кровь на снегу.

Мир завертелся, и лишь масть лошадей позволяла отличать врага. Мой первый противник был хмур, с бородкой в духе Ивана Грозного и более всего напоминал схимника – ах, так это же всем известный как дядюшка Ау милейший из людей. Теперь, впрочем, он проявлял свою отнюдь не безобидную, раньше мне неизвестную сторону: легко поворачивая саблей, он, похоже, превосходил меня опытом. Сталь гудела в моей руке, кисть едва выдерживала удары. Но человек – не просто существо на двух ногах без перьев, он продолжает себя в окружающих вещах. Мой конь, оступившись, перенёс хозяина в тыл соперника, и я, собравши волю в кулак, в неожиданном выпадѣ поразил врага в бок, и тот повалился наземь.

Не успев прийти в себя от поединка, я услышал призывы Жоржа: его атаковали сразу шестеро, он яростно отбивался, но долго это длиться не могло. Я направил коня к месту схватки, попутно задерживаясь ради кратких стычек с явными новичками – всё-таки упражнения в кистевом бою не прошли даром. Чем быстрее вращаешь саблей по сторонам, тем больше задеваешь врагов, тем шире твоя дорога. Однако следовало торопиться.

На моих глазах Сигизмунд Лазаревич Маузер-Альпеншток, сокрушив не одного противника, отчаянно ворвался в окружение Жоржа, и в скорости, пронзив одного врага, был сражѣн ударом клинка в горло, и брызнула кровь, и конь, лишѣнный управления, ускакал прочь.

Когда я добрался до г-на Павленко, он уже успел избавиться от двоих нападавших, однако теперь мне стали видны лица оставшихся: спокойно приняв к сведению первого, собачьего антагониста, обладателя окладистой бороды и объѣмного тела, второго я не признал, а третий заставил меня сильнее сжать рукоять сабли. Это был г-н Ворсюк, ядовито метнувший в меня взглядом, полным внутренней черноты.

Жорж, раненый в плечо, отбивался от троицы, я же, ворвавшись в круг, рубящим ударом отправил в небытие незнакомца, и их осталось двое. Я обернулся. Пришпорив коня, на меня двинулся г-н Ворсюк. Его чѣрные, как смоль, волосы, подстать конской гриве, слиплись от пота и сочащейся крови. Одежды в области нагрудника частью разодраны; однако я знаком с мощью этой боевой машины. Впрочем, и мою технику фехтования во французской манере он должен хорошо помнить; правда, условия поединка далеки от дуэли на шпагах. Агрессия г-на Ворсюка была неистовой, и мне пришлось некоторое время держать оборону. Между тем я обнаружил, что дерущуюся четвѣрку кольцом окружили всадники на чѣрных лошадях, но не ради нападения, а с целью защиты от наших наседающих соратников. Наши кони с трудом находили место для очередного шага из-за поверженных тел. Лязг металла слышался со всех сторон. Мой противник поднял коня на дыбы, рассчитывая обрушить на меня всю силу удара, однако это стало его роковой ошибкой: конь в поисках твѣрдой опоры шагнул в сторону, и сабля просвистела рядом со мной, г-н Ворсюк по инерции нагнулся ниже холки. Я использовал удачный момент и что есть мочи полоснул врага по оголѣнной шее.

К моменту, когда я оглянулся по сторонам, Жорж успел с толстяком расправиться, а чѣрное воинство исчезло. Я рукавом отѣр взмокшие брови.

– Вам со льдом или тоником? – хозяйничал у бара г-н Павленко, одетый в элегантный полосатый костюм. Уютно потрескивал камин. Сквозь голые ветки яблони в окно проникли

солнечные лучи, дробились кисейной занавесью на множество лучиков, не дразнящих, но лишь пробуждающих глаза. – Или джинн в чистом виде?

Я сидел в кресле, берущем всю заботу о силе тяготения на себя, и недоумённо смотрел на Жоржа. Тот хлопотал: – Джинн, знаете ли, врачует организм сразу от многих болезней: предотвращает цингу, вымывает камни из почек, а также придаёт уверенность и позитивный настрой. – Я взял протянутый бокал, наполненный по усмотрению Жоржа, хлебнул ароматный напиток, и запахло лесом. Тёрпкая жидкость будоражила вкусовые рецепторы.

– Кроме того, здорово помогает от стресса. Знаете, коллега, – хозяин дома сел напротив, расположив между нами стеклянный столик на колёсиках, – я в восторге. Вам не только удалось открыть мир, но и сразу привлечь в него столько народу! Признаться, ожидал куда более скромных успехов.

«Сквозь голые ветки яблони смотрю на мокрое небо...» – думалось мне. Капля джинна соскользнула мне прямо на кремовую штанину, но костюм и так ожидала химчистка. Жорж раскуривал сигару.

– Но, всё же, мы ведь делали установку на серьёзный поиск ответов, а вы вместо этого нарядили и своих, и чужих в средневековое платье, да вынудили драться. Кстати, я бы предпочёл восточным сабельным стычкам работу копьём, мечом да утренней звездой. Ну, это так, на будущее.

Жорж дымил, но я почти не ощущал запаха табака – клубы дыма непринуждённо отправлялись через каминную вытяжку в небо. Я засобирился домой.

Г-н Павленко, само радушие, провожал меня через длинный коридор, заполненный мрачными костями – быть может, так он отпугивает воров? не костями, а слухами о них? – и делился впечатлениями: какой резвый конь ему попался, как он удивился, увидав сплошь всю команду, готовившую опыт, в составе всадников, и как затем логично было ожидать возникновения врагов и дальнейшей схватки.

– Не переживайте, пока вы окончательно не деактивировались, мои техники навели на поле боя порядок, а то, знаете ли, глазом моргнуть не успеете, как налетит вороньё, возникнет инфекция и так далее. А ваш мир – новый, девственно белый.

Уже на пороге, когда я, накинув пальто, крепко на прощанье потрянул ему руку, он, слегка покривив лицом, отнял её, взялся за левое плечо и, кивая, сказал вслед:

– Всё же, коллега, постарайтесь быть осмотрительней в своих фантазиях: не знаю даже, когда заживит себе шею мой библиотекарь.

О ВЫБОРЕ

Межсезонье, затерянное среди времён года, серо, уныло и жалко – настолько, что иногда хочется избавить его от существования. Но в таком случае останется лишь пустота, которая вновь заполнится серостью и тоской.

Яркие гроздья рябины оттеняют опустошение, простёршееся меж двух башен зданий, полностью отданных под офисы, и шаги по асфальту, соединяющие высотные строения, на миг задерживаются напротив деревьев с алыми плодами. Хозяин этих шагов задумчиво, однако уверенно пересекает пространство с целью пообедать, оставив работу, но не дела.

О проклятье творческих людей! Нет угла, в котором можно скрыться от забот, нет ни силы, ни времени, чтобы отогнать от себя каждодневный рой мыслей, подобный стае голубей. Так, полководец, оставив солдат, на даче кормит лебедей, и мир вокруг него не существует; боксёр, этот берсеркер¹⁹ нашей эпохи, после поединка спокойно принимает душ, и мир за пределами душевой исчезает; администратор после трудового дня переключается на пиво, забывая о рутине, – иное дело, если ни лебеди, ни душ, ни музыка не могут прервать однажды начатый процесс.

Мысль растянута во времени.

Ресторан «Эклектика»²⁰ вполне соответствует своему названию. Очевидно, оно родилось как симбиоз архитектурных особенностей подвала, изобилующего всевозможными трубами под потолком, и фантазией дизайнера во время переделки подвала в ресторан. Поверхность труб теперь металлически блестит в свете юпитеров зала в стиле модерн, а другой зал напоминает старинный винный погребок. Вот в нём-то я и собрался обедать.

Заняв любимый столик (в углу слева), принялся листать меню, слегка барабанив пальцами по массивной деревянной поверхности и вертя в голове так и эдак хитроумный алгоритм. Персонал выдерживал подобающую паузу, пропорциональную воображаемому статусу заведения. Со стороны зала с никелированными поверхностями, добавляя атмосфере эксцентричности, доносился волшебный голос Жанны Агузаровой: «Тихие дома, улицы все спят».

Ко мне приближался человек. Я уже приготовился было заказать пару интересных блюд, но заметил, что одежда его не отвечала форме местных официантов. Гость улыбнулся и сказал:

– Здравствуйте, вы меня узнаете? – Память на лица не относится к сильным чертам моей натуры, поэтому в подобных ситуациях я обычно виновато развожу руками. На этот же раз ограничился пожиманием плеч. Человек пояснил: – Мы с вами встречались в октябре, на празднике пива. Ваш приятель ещё под конец пел что-то в шотландском духе.

– Да вы присаживайтесь, – подвинув меню, я жестом предложил визави место напротив. – Помню, помню. Вы, кажется, из подразделения Пелюховича?

¹⁹ Берсеркер (берсерк, берсек) – бесстрашный воин в скандинавских сагах. Буквально слово берсеркер означает «воин в шкуре (serkr) медведя».

²⁰ Эклектика (эклети́зм) (от греч. eklektikos выбирающий), механическое соединение разнородных, часто противоположных принципов, взглядов, теорий, художественных элементов и т. п.

– Ну что вы, зачем же так. Наружное наблюдение к нам отношения не имеет. Мы занимаемся более интересными делами. Вот, в частности, очень занятно было слушать г-на Павленко по поводу социальной справедливости в нашей маленькой стране. – Тут гражданин снял чёрную кожаную куртку, одёрнул ультрамариновый пиджак и основательно уселся на дубовый стул. – Но к делу это не относится. Позвольте меню?

«Дожили, – подумал я, – знаком и с бывшими, и с действующими работниками госбезопасности, но чтобы подходили столь бесцеремонно...»

– О, прекрасно. Обожаю долму. – Васильковые глаза и светлые в дымке матовых ламп волосы придавали моему собеседнику облик выходца из кольца нибелунгов.²¹ – Да, здорово мы тогда провели время. Особенно сильно мне понравилась тема соотношения между службами и населением в государстве, очень своевременно. Ну, я имею в виду, что штат служб должен составлять не менее 20% от общего количества граждан.

– Гм... – От такой интерпретации принципа Парето мне стало несколько не по себе. Аппетит, исправно служивший мне на протяжении многих лет, испортился. Голос Агузаровой звенел: «Я запомню эти глаза, что мне говорят».

– Знаете, ведь зря волнуетесь. Это раньше было... как там... «и если есть те, кто приходят к тебе, найдутся и те, кто придёт за тобой». Теперь всё не так. Взгляды отдельных лиц никого не интересуют, бизнес говорит на другом языке. К нам обращаются серьёзные люди за консультациями, по делам, так сказать. А уж если чья-то скромная персона вызвала интерес, значит, у неё всё или слишком плохо, или очень хорошо. Так у вас всё просто замечательно, можете мне поверить.

Подошла официантка с перекинутым через руку полотенцем, сияющим видом дополняя свечение ламп. Держали её мы не долго.

– Особенно интересно случается, когда приходят встречные заказы. Вот, к примеру, недавно связались с нами товарищи из Грузии (понимаете, в США сейчас размещать мелкие заказы дорого, а наш уровень очень неплох) – нужна была им идея по нейтрализации некоего тамошнего политика. Ну, тут долго объяснять, почему не дешевле просто ликвидировать (вкратце – лучше иметь знакомого и битого врага, чем неизвестного и неуправляемого), или вылить тонны компромата – этим сегодня никого не удивишь. Один наш отдел вёл эту тему, а другой, как выяснилось позже, хи-хи, противоположную. Понимаете, в таких делах требуются либо масштабные акции, типа Белградской операции по отстранению Милошевича от власти, либо ювелирные действия наподобие привода Путина к президентству.

Мой собеседник неустанно говорил весь этот вздор, успевая ещё вертеть головой, подолгу задерживая на мне взгляд умных сосредоточенных глаз.

– Так вот, в отделе, который занимался нейтрализацией, основная линия отталкивалась от фамилии политика – Саакашвили – и фильма Леонида Гайдая «Кавказская пленница». Был в этой картине прохиндей Саахов. Совпадение фамилий и предлагалось обыграть.

²¹ Кольцо нибелунгов – здесь: территория, опоясывающая Балтийское море, где исторически проживали светловолосые люди.

«Ну да, в исполнении великолепного Этуша», – подумал я, но не стал произносить вслух.

Нам принесли приборы, хлеб и напитки. Я пододвинул к себе стакан с грейпфрутовым соком, а рассказчик принялся размахивать куском хлеба, периодически от него откусывая.

Чтобы следить за чужой мыслью, с нею нужно согласиться.

– Второстепенные линии были достаточно слабыми, так что на товарища Саахова был основной расчёт. И всё бы ничего, если бы ровно к тем же приёмам не прибегла другая команда разработчиков – они предлагали иронизировать в позитивном ключе над сходством фамилий и всё такое прочее. Наверху разразился жуткий скандал. Насколько я знаю, его удалось замять, но контракт ушёл к американцам.

Принесли салаты.

– Вы говорите очень интересные вещи. – Медленно сообщил я собеседнику. – Вот только зачем?

Тот, надкусывая наколотый на вилку лимон, серьёзно пояснил:

– Хочу, чтобы мы поняли друг друга. Есть такие слова – маячки. Если их вставить в текст, предрасположенный человек на них обязательно среагирует. Правда, это не ваш случай. Поэтому поговорим иначе.

Наступила молчаливая пауза. Жанна Агузарова уступила микрофон Вячеславу Бутусову, и тот принялся делиться песней про шестое чувство седьмого неба, за что ему отдельное мерси. Принесли солянку и гороховый суп-пюре.

– Видите ли, – начал собеседник, притягивая к себе суп, – жизнь – это средство от скуки.

«Интересный оборот, ничего не скажешь», – подумалось мне, – «не знаю, с какой целью кладут в солянку оливы. Мне эта цель неведома, поэтому приходится их есть со смешанным чувством».

– Но развлекаешь себя и так, и эдак, толкуешь с разными людьми, и небо не сокрыто в облаках, и однажды приходится делать выбор. Главный выбор, от которого зависит и твоя собственная жизнь, и сотни, тысячи других.

«Я не вполне уверен, что в солянке так уж необходимы лимоны. Кажется, солёных огурцов было бы вполне достаточно».

– Однажды мне пришлось выбирать, в какой стране будем существовать я и мои дети, да и все вокруг. Стоило мне отдать команду, и история бы изменилась иначе. Но я отказался от выбора, и его сделали за меня.

Бутусов кончил петь «Элизобарру», и нам принесли долму. Философ из госбезопасности упражнялся в риторике, но меня, признаться, больше интересовал аромат виноградных листьев. «Вот ведь что любопытно, наилучшее приготовление этого блюда я встречал в Харь-

кове у кавказцев, которые теперь забросили свой ресторан и всюду торгуют пирожками. Тоже своего рода выбор...»

– Мы в курсе открытия вашего мира. Надеюсь, вы понимаете, в какую игру ввязались. – Всё же ему удалось привлечь моё внимание, и я обратил к нему свой взгляд. – Мы не стремимся к его контролю, это невозможно. Мы не требуем особых привилегий, хотя имеем на то моральное право. Мы просим только одного, небольшой уговор, от этого зависит слишком многое. Вы, наверное, в курсе, что случилось несколько лет назад с миром г-на Павленко?.. Удивляюсь его выдержке. Что бы ни случилось, предостерегаю вас: голова Ворсюка – знаю, вы его в конце концов настигнете – должна попасть в наши руки.

Я отодвинулся. Встал. Многим можно пожертвовать на благо страны. Но что есть благо? Иногда приходится делать выбор. Я вынул из бумажника и бросил на стол достаточную купюру. И произнёс:

– Прошу прощения. У меня сегодня масса разных важных дел.

О ПУСТОТЕ

Дядюшка Ау сидит в кресле-качалке, укрыв ноги клетчатым пледом. На стеллаже, упирающемся в потолок, богатая коллекция курительных трубок.

Мерно покачиваясь, кресло вполоборота повёрнуто к светлой стороне, где широкие вертикальные жалюзи прерывают солнечный поток. Дядюшка Ау разглагольствует, вовсе не глядя на посетителя.

– Некоторые вопросы не стоит задавать. – Его голос заглушается и ворсом ковра, и потрескиванием аппаратуры, сосредоточившейся у стола, о ребро которого опирается кисть правой руки говорящего. – Есть вопросы сходящиеся, на них в конце концов можно найти ответ, и расходящиеся, спорить о которых можно столетиями, в лучшем случае теряя время, в худшем – жизнь. Что, впрочем, одно и то же. Это как вирус, подчиняющий всё новые жертвы, становясь от этого действенной силой. Так, говорить о существовании пустоты всего лишь бесполезно. Я в состоянии представить себе, что могу её вообразить, и с меня довольно. Можно из собственных мыслей соорудить ступеньки, взбежать по ним, но там окажешься не в пустоте, а в одиночестве, отгородившись частью себя от мира; а это не одно и то же.

Кресло поскрипывает в унисон с электроникой; из-под стола мигают огоньки. Точка наблюдения перемещается вдоль стеллажа, таким образом дверь остаётся позади, а в поле зрения оказывается аскетическое лицо хозяина кабинета, чётко очерченное благодаря чёрной борде и чистым тонам холодного света.

– Наивными и смешными выглядят попытки рассуждать о линиях и разветвлениях пути человека, особенно – о возможности как-то повлиять на собственный выбор пути. Ведь ничто из этого само по себе просто не существует. Однако когда вопрос, не имеющий ответа, но порождающий всё новые вопросы, оказывается задан, его бессмысленная первопричина никого уже не интересует, вирус поражает общество, и однажды оно взрывается.

Дядюшка Ау совершает неуловимое движение рукой, жалюзи тихонько уезжают в сторону, и открывается стеклянный ход в лоджию, напоминающую оранжерею своими высокими экзотическими растениями, названий для которых мы не знаем. Листья одних величиной напоминают лопух, у других они длинные, как у пальмы, а иные, наверняка обитатели пустынь, обделены покровом настолько, что больше походят на объект неосторожного эксперимента. Философ, наконец, поворачивает лицо, отбрасывает плед и пытается встать. Придерживая бок, со словами «ох!» и «опсешн» покидает кресло и принимает вертикальное положение, делая шаг к зелени и свету.

– Да вы проходите, с высоты отличный вид. – Слегка прихрамывая, он пропускает посетителя вперёд, раскуривает трубку и проходит следом. – Обратите внимание на лиану. Она растёт, опираясь на другие деревья. Кажется, что ей не составит труда в любой момент изменить направление своего роста, дотянуться до более высокого ствола, даже если он находится дальше прочих. Но известно, что так не происходит. Никогда. Лиана вырастет ровно такой, какой ей позволят быть обстоятельства – ближайšie веточки, кусты и растения. Её эволюция кажется удивительной – если только предположить, что лиана опирается на пустоту.

Дядюшка Ау попыхивает пеньковой трубкой, и дым неспешно уносится вверх, под потолок, отражаясь в двойном толстом стекле, отделяющем субтропический дендрарий от города, погружающегося в снег.

Посетитель оборачивается, и на внутренней стене остеклённой лоджии проявляется его отражённый силуэт, выдающий Чугуниевского некоторой нескладностью и чрезмерной серьёзностью, свойственной людям с алгоритмическим чувством юмора. Посетитель смотрит то на себя, то на дядюшку Ау, то – рассеянно – на лиану. «Любопытно, если деревья – это лёгкие нашей планеты, то как этот маленький сад уживается с пристрастием его хозяина к курению? Неужели бедные растения изнутри пропитаны чёрным ядом никотина?» Чугуниевый срывает ближайший листок, смотрит на просвет, надкусывает.

Тут Жорж, очевидно, утратив терпение, дёрнул меня за локоть: – Коллега, да о чём вы думаете?!

Я встряхнулся, чуть не потеряв Чугуниевского.

Тот поворачивается к свету, и впереди открывается удивительный вид на изгиб Днепра, за ним – сады, вдаль – невысокая гора, за нею поля соединяются с небом, а по стеклу кое-где стекают капли растаявшего снега. Держа левую руку на бедре, дядюшка Ау, не заметив затруднений посетителя, продолжает монолог.

– Мой юный друг, нет ничего странного в том, что вас тревожат сомнения, правильно ли вы поступаете. Но так устроен мир – всякому ростку нужна опора. Цветам нужен солнечный день, астроному – тёмная ночь. Стоит отбросить опору, и пустота соединит все стремления, поглотит все побуждения, и настанет покой. Чтобы оказаться на вершине, нужно пройти по спине горы; чтобы найти свою вершину, следует просто шагать. Мы не в силах ничего изменить, ведь человек – лишь траектория его собственного пути.

Гость сминает в руках за спиной сорванный листок.

– Но что же такое пустота, о которой все говорят? Почему она притягивает вас? Остановитесь ли вы за шаг до предела, или станете частью пустоты? Я не умею смотреть в будущее, но иногда мне удаётся его угадывать.

Дядюшка Ау задумчиво пускает дымное кольцо, оно медленно движется и рассеивается, натываясь на листья пальмы. Тихий вздох, и размеренно, проникновенно звучат выразительные стихи:

Ручей уносит щепку по течению,
А я стою и думаю: когда же
Придёт малышка Сю?

– Вы чувствуете прелесть этого хайку? Проникаете в глубину, в само вещество слов? Что ж, юноша, нет ничего проще сказать, куда приплывёт щепка: надо лишь знать, куда бежит ручей. Так и вас ожидает...

Не знаю, что нашло на г-на Павленко: он заёрзал на своём стуле, сперва кашлянул, а затем и вовсе заворчал: – Да что это за ахиня! что за чушь!

Я вздрогнул и потерял контроль, и возмутился:

– Жорж, да что же вы мешаете! Так весь день коту под хвост пойдёт!

Мой компаньон остановился, улыбнулся и ответил:

– Вы так полагаете?.. Коллега, всё идёт как нельзя лучше... – и, чуть погодя, – щепку тянет в пустоту...

ОЖИДАНИЕ

Рядом с импозантным кафе «У Тараса» мрачнел памятник неизвестному поэту. Вокруг него, по плитам сквера в самом центре города, бродили голуби, иногда суетливо и шумно слетаясь стайками к внезапно рассыпанным хлебным крошкам. Под присмотром увлечённых разговором бабушек шумели дети; вдали, у здания университета толпились студенты; по затопленным дорогам медленно продвигались машины, и прохожие, не обременённые неуклюжим средством передвижения, их легко опережали. Впрочем, поэта суета не увлекает.

Присев на лавку, я спускался по реке времени, предоставив окружающим удовольствие подгонять замерзающее течение. Не было ни ветра, ни туч, и яркие краски солнечного дня, казалось, дышали особенной свежестью из-за недавно выпавшего снега, искрящегося на траве, на карнизах окон, козырьках магазинов – там, где не ступала нога человека.

Я усердно рассредоточивал своё внимание, освобождаясь от всяких связей с окружающим миром, как подопытный, обвешанный датчиками, последовательно отсоединяет их от тела. И, как это бывает, когда ничего не видишь и не слышишь, в голове завертелись подбоя снов. Скоротечные, они лишь продлевали жизнь прошлым событиям, истончались и незаметно исчезали подобно мыльным пузырям. Так, припомнился разговор с г-ном Павленко, сопровождаемый цейлонским чаем, заваренным в пиалах, предварительно облитых кипятком. Чаинки, насытив воду до янтарно-багряных тонов, оседали на дне сосуда, придавая напитку глубину.

Переставляя шахматы, мы рассуждали о судьбах людей.

– Коллега, вам доводилось видеть айсберг? – спросил Жорж, чуть приподняв правую бровь. Его выразительные черты в мыльном пузыре сна принимали несколько гротескный вид.

– В действительности – нет, но по телевидению, в журналах – безусловно, – я отвечал, удивляясь манере собеседника ставить своим вопросом в тупик. Ему, конечно, никогда не узнать, что образ айсберга неизменно пробуждает во мне пушкинские строки:

Иль скалы дикие Шотландии печальной,
Или Нормандии блестящие снега,
Или Швейцарии ландшафт пирамидальный.²²

С течением времени каждый человек смотрит всё больше и видит всё меньше, берега времени уходят вдаль, и приближается океан.

Жорж держал пиалу на ладони, и его лицо колыхалось в парах ароматного чая.

– Доложу вам, айсберг – весьма любопытное зрелище. В особенности интересно то, что его подводная часть гораздо массивнее той, что на виду. Любые попытки отбросить избыточную, как полагают некоторые, массу приведут лишь к тому, что айсберг просто осядет в воду. Вот вам и принцип Парето – наш социум будет всегда большей частью погружён во мрак, пока он имеет пирамидальную или, точнее, глыбообразную структуру.

²² Заключительные строки стихотворения «Осень», не вошедшие в конечный вариант.

– Ах, вот вы о чём, – отвечал я, – но ведь решение проблемы находится вне системы айсберга и воды. Под лёд попросту следует закачать воздух. Пустота ведь относительна.

Жорж передвинул пешку, и мой хитроумный план разрушился, как замок, который так и не начали строить.

– Возможно, возможно... *Substantia et vacuum sunt relative*.²³ Только, скорее всего, ледяная глыба перевернётся, а волна смочит вас в бездну.

Аромат чёрного чая заполнил всё пространство, сон получил окончание и распался.

Заиграла флейта – но нет, это голос моего телефона, пришло сообщение. Страхивая дремоту, я протёр глаза и прочитал: «Call me». ²⁴Вокруг шумели автомобили, дети раскачивали качели, голуби разглядывали снег. Был означен обратный номер, и – подпись г-на Ворсюка. Неужели?!

Я смотрел и смотрел на вызов, и в тело моё проникал холод. Когда ты долго идёшь к цели, преодолевая тяжесть шагов, а она вдруг сама двинулась навстречу – проделанный путь, потраченное время теряют смысл. Цель становится иной – она превращается в жалкое подобие себя, оставаясь недостижимой на неоконченном пути. «Если, долго собираясь на охоту, вдруг, обувая сапоги, надевая полевую сумку, взяв доброе ружьё, холодным металлом согревающее руку, из окна видишь, что предмет желаний, дичь, под окнами дома продаёт уличный торговец, то начинаешь понимать, что смысл современной охоты – как, впрочем, и самой жизни – заключён совсем не в результате. А в процессе». Я погружался в сон, и сначала мне чудились летающие головы Ворсюка, каждая в своём мыльном пузыре; затем я зашагал по лесной тропинке.

– Известно ли вам, – говорит лесник Вальдхаузен, – как измеряется мощность ружья?.. Нет, нет, никаких начальных скоростей, никаких пороховых газов! – Проводник мягко ступает впереди, вполборота и вполголоса делится своим восторгом. – У нас на Руси мощность ружья, она же дальноточность плюс пробивная способность, измеряется исключительно в марке бутылки на расстояние. Да! Вот у меня ИЖ-27, к примеру, с пятидесяти метров дробью две-три пол-литровых бутылки вдребезги разбивает, а из-под шампанского – с тридцати метров. Кстати, очень приличный бой.

Мы идём между голых деревьев, кое-где солнце блестит на поверхности луж, листья липнут к сапогам. Вальдхаузен почти не смотрит вперёд; но и я, впрочем, гляжу под ноги.

– А в городе, говорят, хорошо стрелять по воронам, можно из пневматики. Представьте-ка, если ворона сидит на ветке, и грамотный стрелок вышибает из неё дух аккуратно, то тогда тушка делает кувырок и на некоторое время повисает вниз головой, прямо как летучая мышь. Потом, конечно, падает.

«Как мило, наверное, жить в лесу. Охотишься на кабана да на вальдшнепа, в городе пополняешь запас книг – что ещё надо?»

²³ Вещество и пустота – понятия относительные (лат.).

²⁴ Позвони мне (англ.).

– Слушайте, был у меня дед, – развлекает меня лесник, – так он ещё в финскую войну снайпером в диверсионных отрядах служил. Время прошло быстро, и вот он уже старик, сидит себе в селе, доживает годы. Ну, и нашёл себе удовольствие: оборудовал чердак с видом на дальний лес, тут и закуска, и бутылка с веселящей жидкостью, и ружьё. Чуть где в сене зашевелится – бах! – и порядок восстановлен, в затылке у мыши дыра. Не жизнь, а праздник. Как-то бабка посеяла чеснок, и соседские куры принялись его щипать. Хозяйка в крик, а дед, не долго думая, тут же десяток птичек и уложил. Что тут было! Сначала соседи ринулись на деда – что ж ты, мол, творишь! – а тот, уже под градусом, но ещё не до конца погрузившийся в прошлое, медленно переводит прицел на них. Пришли они только вечером, и говорят: ну, старина, дай нам, дорогой, хоть не всех, хотя бы пару... Не просто так, разве можно. У нас известно как всё делается, всё в бутылках меряется.

Мы выходим на опушку леса, перед нами – спуск к автомагистрали.

– Уважаемый, и где же конечный пункт? – спрашиваю я, обтирая сапоги о вялую траву.

– Ну, так пришли уже, вот и позиция. – Вальдхаузен указывает на пригорок с приличным сектором обстрела. – Располагайтесь, пожалуйста, всё будет в лучшем виде.

Мы расстелили брезент, оборудовали гнёзда для ружей, надёжно замаскировали огневую точку и заняли позицию. Лесник теперь умолк, и позади стал слышен глухой рокот спящего леса. Машины впереди, давно покинув город, играя солнечными бликами, бежали, как игрушечные. Если, конечно, не смотреть в мой оптический прицел.

– Так, – говорит Вальдхаузен, – теперь будьте внимательны, вон движется ваша цель. – Мой прицел улавливает профиль водителя с длинными чёрными волосами и худым лицом. Я держу палец на курке и говорю себе: вот и всё, г-н Ворсюк, вот и конец.

И тут стало мне как-то не по себе. Нельзя оборвать собственный путь на полдороги, нельзя терять половину неоткрытого мира, иначе и победа не в радость, и жизнь ни к чему.

– Стреляйте же! – настаивает лесник.

Я нажимаю на курок, направляя ствол в небо. Время ещё не пришло.

Снова сквер, и шум, и телефон в руках. Детвора, гоня голубей, не осознаёт, что дорога человека должна пройти мимо бабушек, увлечённо говорящих ни о чём, через толпу студентов, поток прохожих, гул автомобилей, чтобы достичь логического конца – за пределами суеты. Пальцы мои сделали нужное дело – сообщение исчезло, г-н Ворсюк пропал. Время ещё не пришло.

Ко мне подошла Тутта и сказала:

– Вот и я.

О ХОЛОДЕ, ФОЛЬГЕ И ВИТАЛИНЕ

Двигая головами в такт шагов, голуби повторяли походку своих далёких предков позднеюрского периода, и, давно обзаведясь городскими манерами, прогуливались по бетонным дорожкам, сложив крылья за спиной. Квадраты плит, как шахматные клетки, организовывали пространство, но птицы не задумываются над геометрией сквера, потому что сами являются его частью.

Ко мне подошла Тутта и сказала:

– Вот и я.

У неё был рассеянный вид. Такой она была мне не знакома – ни улыбки, ни уверенности движений – подойдя и остановившись, Тутта как бы продолжала плыть, будто не решаясь до конца мне довериться. Я встал, предложил даме руку, и мы направились в кафе, с каждым шагом сокращая дистанцию между собой: говоря о пустяках наподобие типично европейской зимы, лишённой и русских морозов, и человеческого тепла, мы приближались к вопросу, который предопределил нашу встречу: у Тутты стали исчезать знакомые. Я не верил.

Мы заняли столик у окна, и Тутта принялась говорить, что сотрудники пропали один за другим – кто уехал в командировку, кто заболел, кто-то взял отпуск, и однажды в офисе она осталась одна.

– Вообще не понимаю – всё это произошло так странно. Представьте себе: телефоны молчат, и ни до кого не дозвониться. Как будто никому до меня нет никакого дела, как будто меня просто нет. Сперва держала себя в руках, но к концу дня не выдержала и принялась пересматривать бумаги, искать хоть какое-то объяснение. Вот вы сами посмотрите, что меня к вам привело. – С этими словами, всеми брошенная Тутта вынула объёмистую папку – и что только не умещается в дамских сумочках! – и положила её передо мной.

Что есть человек? Пока изо дня в день видишь одни и те же лица, говоришь с людьми об одном и том же, ты не питаешь к ним особого тепла: эти люди будто твоя часть. Нельзя же с трепетом относиться к себе, не рискуя впасть в нарциссизм. Так проходят месяцы и годы, и вдруг кто-то тебя покидает; нет, не со зла – просто ничто не стоит на месте. Тогда начинаешь постепенно ощущать разорванную связь, уникальность людей и скоротечность встреч, и говоришь: ессе homo, вот человек!

Сначала я просматривал подшивку со смешанным чувством нежелания лезть в чужое дело и снисхождения тому, кто нуждается в помощи, и не находил в материалах ничего, чтобы вызвало интерес. Но постепенно на некоторых фразах взгляд стал задерживаться. Тутта между тем общалась с официантом с непосредственностью натуралистки, вернувшейся домой из долгого путешествия. Они говорили о каких-то шашлыках из мидий и картофеле, запечённом в фольге с ломтиком бекона, а я всё медленнее перелистывал страницы. Какие-то рабочие выкладки с колонками цифр сменились не то выдержками из статей, не то заметками ad hoc²⁵.

²⁵ По случаю (лат.).

«Представляется ошибочным широко распространённое мнение, что нам следует копировать опыт реформ США. В отличие от этого государства, переживающего сегодня цивилизационный подъём, наше общество намного старше и опытнее. Именно поэтому терпели фиаско все попытки перенять социально-экономическую модель – на самом деле она в таком виде работоспособна лишь в обществах сходного возраста».

«Сегодня стало очевидным, что прогресса не хватит на всех, и быстрее развиваются те, кто уже более развит. Если в 1960 г. так называемый „золотой миллиард“ (одна шестая часть мирового народонаселения, живущего в богатейших странах), имела доход, в тридцать раз превышающий доход людей, живущих в беднейших странах мира, то в 1997 г. этот разрыв выразился уже соотношением семьдесят четыре к одному».

«Возможно, не отдавая себе отчёта, какую задачу на самом деле решают Соединённые Штаты Америки, подвергая бомбёжке Югославию, они в действительности таким образом замедляют рост Европы как центра тяготения. В недалёком будущем следует ожидать подобной операции в Ираке либо в Саудовской Аравии, чтобы приглушить голос исламского мира, а также в Северной Корее, чтобы отвлечь от экспансии поднимающийся Китай».

Интересно, что это оказались материалы доклада, прочитанного в Нью-Йорке. Я вздохнул и перевернул десяток-другой страниц.

Тутта, насколько было видно, уже некоторое время наблюдавшая мои изыскания, чуть склонила шею, чтобы лучше рассмотреть текст, протянула руку к папке и со словами «да это не здесь» помогла найти нужный раздел. Здесь характер документов принял совершенно иной оборот: какие-то сложные топологические схемы перемежались адресами, номерами телефонов, фамилиями и фотографиями. Среди незнакомых лиц вдруг я встретил физиономию Жоржа, запечатлённую в разное время; в особенности мне понравилась его борода, которую он уже давно не носил, прямая и нарочито нестриженная, придающая ему вид шотландского воина времён Уоллеса.

«Любопытно, как вообще чувствуешь себя в килте²⁶, в длинной бороде?.. Что ж, интересная папочка. И где же они такие водятся?»

– Ну, хорошо, – собрался с духом я, – но почему вы связались со мной, а не с г-ном Павленко? – Я пролистал бумаги и на одной из последних страниц внезапно увидел собственное лицо, и, запнувшись, подумал: «Всё доводи до конца». Тутта посмотрела на меня с сомнением. Нам принесли заказ, и она, шелестя фольгой, сказала: – А вы попробуйте с ним свяжитесь.

Кафе мы покидали молча. Порой слова – ненужная условность.

Машина долго не могла выбраться из центра, а я лихорадочно звонил Жоржу, и все попытки были безуспешны. Длинные гудки телефона соединялись со стуком сердца, отдающегося в ушах. Вокруг автомобили бессильно сигналили друг другу. Г-н Павленко всегда подходил к вопросу телекоммуникаций основательно, и поэтому положение казалось из ряда вон выходящим.

²⁶ Национальная мужская одежда шотландцев.

В конце концов мы вырвались на простор, и далее помчались стрелой на западную окраину города, к дому, где жил и работал Жорж. Солнце сверкало в окнах домов, уже не ослепляя глаз холодным светом, жизнь шла своим чередом – к чужим проблемам люди равнодушны. Мы приближались к цели.

Там, впереди, за городом – дремлющие леса, раскинувшиеся во всю ширь, пустынные поля, открытые небу, вдалеке уходящему в океан. Явления природы просты и безграничны.

У особняка г-на Павленко мы не смогли въехать во двор, так как на сигнал клаксона ничто не реагировало, и ворота не открывались. Нам пришлось пройти через кованую калитку, тихо отворившуюся на могучих петлях, миновать автостоянку, и, взойдя на порог, остановиться. Нас встречал Жорж, правда, сидя, не шевелясь и – без головы.

Тутта вскрикнула и отвернулась к кустам шиповника. Я кинулся к безжизненному телу, но не обнаружил ничего кроме нескольких глубоких ран, следов невероятной схватки, лужи крови да иссечённой зазубринами катаны, которую продолжал сжимать в руке поверженный боец. Нападавших явно было больше двух, так как в противном случае у них бы не оставалось шанса на победу – мне хорошо были известны фехтовальные способности Жоржа, теперь нашего покойника.

Небытие наступает, как только поставлена последняя точка. Человек подобен книге, и пока он живёт, перелистывая страницы, пока смотрит вперёд и видит даль, он ещё не окончен. Когда же книга умирает, её относят корректору, и тот наводит похоронную ретушь, далее труп доставляют в типографию, и в конце последнего пути в дело вступает пресс. Честный читатель, держа в руке посмертный оттиск, обыкновенно сам себе говорит: вот прошлое, отлитое в свинце.

Я огляделся вокруг. Со стороны калитки приближался человек. Его шаги напоминали походку посланника богов, быстрого, как мысль, Гермеса, который идёт к Персею, обезглавившему медузу Горгону, и несёт в сумке её голову. Правда, сейчас сквозь ткань не сочились капли ядовитой крови, обращавшиеся в змей, и не было на ногах у гостя крылатых сандалий. Это был тот самый любитель долмы, светловолосый сотрудник государственной безопасности и, как видно, охотник за головами: формат его ноши не оставлял никаких сомнений.

– Здравствуйте, здравствуйте, давно я вас поджидаю. Полагаю, нам лучше пройти в дом.

Тутта, по всей видимости, простившись с мидиями, взяла меня за руку.

– Да, и папочку позвольте, – добавил гость. Тутта легко рассталась с увесистой подшивкой, и хозяин положения подбородком указал нам на дверь. Мы вошли. Цвет лица бедной девушки, теперь не отпускавшей моей руки, даже в полумраке был бледнее костей, в целостности и сохранности лежавших в чуть подсвеченных нишах оссария – по всему было видно, что бой происходил снаружи. Сзади слышались слова: – Меня обычно называют Чучельник. О, искусство таксидермии подобно дереву уходит корнями вглубь времён. Это и мумии египетских фараонов, и тонкая работа по созданию василисков, и шитьё заморских тварей. Да и сейчас музейные неплохо промышленляют. Но настоящих мастеров почти нет. Почти. – Чучельник хорошо ориентировался в доме Жоржа. Мы прошли коридор, миновали несколько дверей и вошли в лабораторию. У моей спутницы из-под очков текли слёзы. Таксидермист продолжал: – Итак, у меня есть для вас удивительное предложение. Здесь, в этом боксе, – тут

он приподнял жуткую ношу, – в холоде, фольге и виталине, голова г-на Павленко, в состоянии, вполне пригодном для восстановления. Никогда бы не расстался с таким приобретением, но долг, но дело, но долги... меняю свой товар на голову г-на Ворсюка, и уж вы мне её добудете вместе с вашим Жоржем.

Лаборатория жила своей жизнью. Что-то происходило в автоклаве, химический конвейер был загружен опытом, а за биокомплексом приглядывал ни на что больше не реагирующий оператор из серии неолитиков.

«Как же вы настойчивы, мистер Чучельник! Но, видимо, я стал частью странной игры» – подумал я и произнёс: – Я могу согласиться или не согласиться. Во втором случае, пожалуй, жизнь моя во многом потеряет смысл. В первом же случае я могу обещание исполнить или не исполнить. Что же послужит вам гарантией?

– О, сразу виден неспециалист. В данном случае наилучшей гарантией мне послужит ваше слово. Так что, по рукам?

Я смотрел на собеседника. Он мне совсем не нравился. Неприятный такой тип человека, осознающего свою неприятность. Так, наверное, легче. У меня выбора, на самом деле, не было. Я сказал: – По рукам.

Чучельник, улыбаясь, принялся раскрывать свой препарат, и, едва глядя на падающую в обморок Тутту, весело ей промурлыкал:

– А вы, мадам, не ждите встреч с друзьями юности беспечной...

О ТРАНСМУТАЦИЯХ

Большой аквариум, наполненный полупрозрачной жидкостью, совсем не радует глаз. И дно не засыпано грунтом, и водоросли отсутствуют, и вместо рыбок – а габариты вполне позволяют держать пару сомов – плавают Жорж, досадным отсутствием тела напоминая головастика.

– Этим-то наука и отличается от алхимии, – Чучельник совершает сложные манипуляции вокруг аквариума, и водянистая субстанция постепенно эволюционирует, – наука приносит пользу. Конечно, мы не берём в расчёт частную выгоду алхимиков, получавших при помощи своего искусства самое настоящее золото – из кошельков доверчивых клиентов.

Жидкость концентрируется вдоль изогнутой линии воображаемого хребта застывшего г-на Павленко, сгущается и чернеет. Пока предмет не имеет имени, его можно исследовать, беспристрастно погружаясь вглубь его структуры, никак не сковывая восприятие. Но как только возникает название, картина разом упрощается, и суть предмета сводится к понятию, привязанному к слову, даже если связь поверхностна и условна. Стоит произнести несколько фраз, и в мыслях оживает ассоциативная цепочка, и наблюдение встраивается в непротиворечивую картину мира... Раньше я считал, что аквариум просто давно заброшен и вместо спокойствия плавающих рыбок насыщает лабораторию уютом старого милого хлама. Это было вполне свойственно хозяину дома – такой здешнюю обстановку я помню с самого начала, с первых дней нашего знакомства.

Ранним утром, в автобусе, подвозившем пассажиров к трапу самолёта, горел электрический свет, за пределами салона было сыро и пасмурно. Оставив за спиной ворох дел, преодолевая дремоту, я глядел сквозь серую поверхность окна, и в голове вертелись не самые весёлые образы:

Скучно, беспросветно, безоглядно.
Точка – не конец и не начало,
Холод – не отсутствие тепла.

Мы двигались в тягостной мгле, или, точнее, так мне представлялось изнутри автобуса при взгляде сквозь запотевшее стекло. Мы ехали, но ничто вокруг не говорило о движении, лишь монотонный гул мотора убеждал: ничто не стоит на месте. Редкие слова, пролетающие между попутчиками, только подчёркивали тишину невидимого мира. Но, всё же, то ли благодаря настойчивости водителя, то ли утомлённый моими полусонными впечатлениями, сумрак начал рассеиваться, и за стеклом показались ступени, ведущие к самолёту. Впрочем, с г-ном Павленко я встретился немного погодя.

Тутта заморожено смотрит в затылок Чучельника, движениями рук напоминающего пианиста. Он будто чувствует увлечённый взгляд и продолжает говорить:

– Нигредо²⁷. Как можно было сотворить целую систему систем, основанную на пустоте? Ведь всё, что происходит из пустоты, в конце концов в неё же и низвергается, складывается, будто карточный домик. Камень, брошенный к облакам, падает вниз; слова, обращён-

²⁷ Nigredo (лат.) – чернота, в алхимической традиции первая стадия превращения, начальное состояние.

ные к солнцу, уносит ветер; всё, чем жила планета эпохой раньше, ныне покоится под землёй. И в своей попытке оторваться от поверхности, отделить себя от неё, мы плавим не руду, мы плавим собственный мир, чтобы в результате получить – нет, не жалкий металл, но свою сущность, квинтэссенцию себя.

«Где же это я слышал, – рассуждаю я вслед за словами Чучельника, – что в результате мы из человека получаем гумус?..» Тот делает паузу в лекции, но не в процессе формирования тела г-на Павленко – для успеха операции требуются и опытные руки, и ясный ум.

А самолёт, давно оторвавшись от земли и приподнявшись, отбрасывая размытую тень на квадраты полей, потом задрал нос и вонзился в облака.

На моих коленях была раскрыта «Prima materia»²⁸, средство от скуки и заодно случайное пособие по неспешному изучению латыни, старинная книга безымянного автора о практическом способе получения золота. Сосед, смотревший в иллюминатор и долго не обращавший на нас никакого внимания, всё же отвернулся от побелевшего стекла и уронил рассеянный взгляд на изъеденные временем листы. А потом, оживившись, заметил и меня. Представившись, он отрекомендовался букинистом.

– О, это, несомненно, интересная книга, не хуже творений Фламелья²⁹.

Мы долго обсуждали предмет алхимии, причём попугачик уверял, что ни в одном источнике не содержится внятного изложения любого из её аспектов, по очень простой причине – искусство описать нельзя. Передача ощущений нуждается в традиции: она возможна, что называется, только из рук в руки, от учителя к ученику.

– Впрочем, у меня обширная библиотека, и вполне возможно, что вы найдёте там кое-что по душе. Если вы увлекаетесь содержательной стороной вопроса, могу предоставить в ваше распоряжение свою лабораторию – мне приятно ваше общество.

Я принял к сведению его приглашение. Отвлёкшись от недавнего опустошения, мысли мои наполнились туманом, будто сочащимся сквозь толщу иллюминатора. Стюарды развозили обеды. Сосед после некоторой паузы перешёл к философским вопросам, проявляя тем самым способность тонко различать настроение собеседника.

– Известно, что главным предметом поиска у алхимиков был вовсе не способ превращения простых металлов в золото. Ведь заказчики исследований, как правило, были небедными людьми. Секрет вечной молодости, то, что и возвращает смысл жизни, и вновь отнимает его, этот секрет интересовал могущественных правителей, вельмож и философов. Но, предположим, найден эликсир молодости – и что вы станете делать?

В трудных вопросах скрывается истина.

²⁸ Первичная материя (лат.). По Аристотелю, основа всеобщего материального мира; наряду с четырьмя сущностями – огнём, водой, воздухом и землёй, её должна была составлять quinta essentia – квинтэссенция – камень, часто называемый камнем мудрости.

²⁹ Никола Фламель (1330 – 1417) – автор «Книги иероглифических фигур», где он уверял, что смог превратить большое количество ртути в золото.

Чучельник всё молчит, и я принимаюсь комментировать Тутте высокие материи. Она, привыкнув к обстановке, больше не пугается ни лёгкого дребезга урчащих установок, деловито оживляющих пространство лаборатории, ни игры света внутри них – теперь ей спокойно и интересно. Я вполголоса говорю:

– Маленькая рыбка данио, обитательница тёплых морей и уютных аквариумов, может восстанавливать сердечную мышцу, даже если ей вырезать пятую часть ткани. А ведь то, на что способен этот небольшой, но сложный организм, вполне подвластно и человеку – достаточно только ему помочь, подтолкнуть клеточную память. Ведь любое существо развивается, в некотором смысле, из точки.

Мне хочется добавить, что онтогенез подобен фракталу, что это функция от нуля, – но зачем такие сложности милой собеседнице? В дальней части помещения трудится молчаливый неолитик, белым халатом и шапочкой подчёркивая сияющую чистоту лаборатории. Биокомплекс, самое значительное сооружение, громоздится во всю стену до потолка и уходит глубиной в неизвестность.

Чучельник колдует у проявляющегося переплетения нервов г-на Павленко, потянувшихся от шеи, послушное вещество аквариума ненадолго становится прозрачным, начитает появляться телесные ткани, а затем всё застилает белая пелена.

– Альбедро³⁰. Человек, вынутый из среды обитания, то есть из самого себя, дезориентирован, беспомощен и почти не существует. Однако с ним произошло главное – он оторвался от общей массы, подобно летящему пушечному ядру, он может сказать себе: этим-то мы и отличаемся, вот он, я.

Тутта, склонив голову набок и увлечённо наматывая на пальчик локон каштановых волос, не поворачиваясь, спрашивает у меня шёпотом:

– Так что, это – оживляющая машина?

– Не совсем. Жорж не был убит до конца. Его тело пришло в негодность, но, как видно, мозг вместе с контейнером был вовремя спасён. А теперь восстанавливается скелет, руки-ноги, то есть всё будет хорошо. Аквариум не оживляет, он создаёт человека и продлевает жизнь. Ведь это не просто вода – это жидкий робот. Оператор только следит за основными параметрами процесса, задаёт направление...

– Как интересно! Честное слово, не хватает попкорна, я бы чувствовала себя как в кино.

Я вздохнул и вернулся в мыслях к полёту в облаках.

Сосед с лёгкой иронией во взгляде ожидал ответа, и я принялся рассуждать вслух, захлопнув и отложив книгу, поскольку сэндвич с литературой сочетаются плохо, и если книга спокойно подождёт хоть час, хоть год, то у сэндвича судьба – как у мотылька, его жизнь коротка и проста.

³⁰ Albedo (лат.) – осветление, вторая стадия превращения, трансмутации первичной материи, «рассвет», «серебро», «лунное состояние, которое еще должно быть поднято до солнечного состояния» материи.

– Для начала, конечно же, выпью без колебаний, этот самый эликсир вечной молодости. Потом устрою ревизию своим занятиям. Стратегии желаний, рассчитанной на десятилетия, явно недостаточно, чтобы заполнить века и уж тем более вечность. Кстати, мы строим планы, имея в виду, что жизни нашей – лет шестьдесят, как и у шимпанзе, которые, надо сказать, никаких планов вообще не строят, а ведь наш организм способен протянуть и 120—130 лет – просто окружающая среда и внутреннее напряжение его съедают гораздо раньше. Все наши начинания соизмеряются с таким понятным и естественным ограничением. Если его убрать, автоматически исчезнет и фундамент современного человеческого общества – люди, спешащие вкушать благ земных, оставить автограф на страницах всемирной истории или хотя бы в домовую книгу, продолжить себя в детях и умереть – а это не так уж и мало. Есть, впрочем, аспект, связанный с массовостью вечной молодости. Одно дело, если эликсир доступен всем: тут вопросы перенаселённости, общего уклада жизни принимают планетарный масштаб. Прекращается паркинсоново движение замершего общества, всеобщее бессмертие приводит к общему параличу системы: людей перестаёт объединять нужда продолжения рода, которая подчиняет себе инстинкт размножения. Совсем другое дело, если доступ к эликсиру получает ограниченная группа лиц. Их заставляет сбиться в коллектив совместная необходимость защищаться от остального населения. – Я чуть помолчал. Слушатель едва заметно улыбался. – А ещё, пожалуй, возникнет проблема с адаптивностью разговорного языка – вечно-юным аксакалам его придётся изучать постоянно, потому что речь людей переменчива. Без постоянного контакта с обычными людьми долгожитель начнёт проваливаться в лингвистическое прошлое, а уж как он будет плевать по поводу уродования языка, нечего и говорить. Потом, его может схватить за горло скука; и так, признаться, иногда всё надоедает, лишь ограниченность жизни заставляет держать себя в руках; а в новом масштабе времени даже и не уверен, что так уж легко будет найти занятие, чтобы не было желания отложить его «на потом». Ведь если сегодня суть творчества сводится к стремлению сделать что-нибудь новое да поскорей, при том ещё, что по статистике главное дело своей жизни люди успевают сделать в молодости, то при устранении барьера мы получим вечную проблему с творческими импотентами, у которых, к тому же, исчезнет и главный стимул работы – добиться одобрения современников. На протяжении тысячелетий человечество лучшими своими умами пытается отыскать смысл собственного существования, последовательно помещая себя сначала в центр мироздания, затем рядом с богами, потом дальше, на обочину и, в конце концов, теперь вовсе отказывает себе в такой непозволительной роскоши, как наличие цели, смысла и необходимости. Боюсь, и наш опустошённый жилец – не жилец через одно-другое столетие вынужден будет искать если не смерти, то уж таких развлечений, что станет опасным для окружающих...

Сосед широко улыбнулся и, поднимая стаканчик, наполненный кофе со сливками, потропился меня перебить:

– О, как я погляжу, вы любитель теоретизировать. Но есть сложности и практического плана. Прежде всего – это ограничение материального носителя информации: наша память, личность, содержится в ограниченном объеме органического вещества и поэтому имеет предел насыщения.

– Но погодите, всему свой черёд, любая задача может быть решённой, вопрос только в терминологии... Что считать решением? Никто не мешает изменить способ накопления информации – пускай мозг превращается хоть в информационную чёрную дыру с обратной связью. А чтобы не утомлять публику, долгожитель может отправиться в дальний путь, к далёким звёздам...

– Смело, смело. Однако на Земле ещё столько дел! Хватит на многие и многие тысячи лет.

Самолёт набрал высоту и теперь летел над облаками, сливающимися в подобие океанской пены в духе Соляриса. Небо без границ. И солнечный свет, играя клубящимися вершинами, неожиданно яркий, с жаром пронзал иллюминатор и резал глаза.

– Рубедо³¹! – громко говорит Чучельник, встаёт и чуть отступает. – Слабонервных просим отвернуться.

Аквариум сверкает ослепительной желтизной, раздаётся гул. Неожиданно сухой, через борт переступает г-н Павленко и, надевая поданный халат, смотрит в глаза Чучельнику. Во взгляде чувствуется неподъёмная тяжесть. Тутта, сбросив оцепенение, мило хлопает в ладоши, а я поднимаюсь и с протянутой рукой говорю:

– С возвращением.

Жорж, помедлив, улыбается, жмёт руку, хмурится, глядит по сторонам, находит настенные часы и, насколько раз сглотнув, произносит:

– Так. Все отношения выясним позже. Идёмте к инкубатору.

Вслед за хозяином лаборатории мы направляемся в сторону биокомплекса (так я привык его называть). Будучи на полпути, слышим щелчок, наблюдаем, как уезжает вверх огромная лицевая панель – и появляется целая армия человеческих существ, насколько видно, вполне готовых к действию. Жорж, потирая руки, пошатываясь и охватывая взглядом открывшуюся перспективу, бормочет:

– Ну, вот теперь-то мы повоюем...

³¹ Rubedo (лат.) – краснота, третья и последняя стадия превращения, означающая конечное состояние первичной материи, «восход», материю в состоянии «крайней интенсивности огня».

ОПУСТОШЕНИЕ

Бревенчатый домик среди леса. Сквозь окна с лёгким налётом вечности проникают лучи восходящего солнца, ослабленные густыми сосновыми ветками. Снег за стеклом: на тёмно-зелёной хвое, у основания широких стволов, повсюду за пределами четырёх стен, – отражает колючий свет, и в маленькой комнатке рассеивается мягкое, уютное сияние. Ветер, возможно, существует где-то там, наверху – но здесь, у подножия высоких деревьев, тихо, разве что с их макушек медленно опадают редкие снежинки, неторопливо пересекая пространство за призмой окна. Там же, где ветер касается остроконечных вершин, наверняка слышна музыка, равнодушная к строгим тонам, ведь она – отражение воздушного потока, вдыхающего запах леса.

Зима. Оцепенение мира.

Где бы ни бродил человек, однажды покинув дом, он всегда идёт вслед за солнцем, а пройденный путь кажется ему прямым. Однако вернуться, конечно же, нельзя, как и дойти до светила. Пускай и тень опережает путника, и снежный лабиринт ведёт его на запад, всё равно в хрустальном величии оледенелых растений человек идёт в ореоле света, шагает, пока вдруг не заблудится. Когда же тело его начинает сливаться с природой, тогда ни гулкий стон дремлющих сосен, ни тепло сугроба, ни след пролетающего самолёта, напоминающий о мире людей, ничто не греет, один только сон, в который можно погрузиться с тем, чтобы уже не выплыть.

Вальдхаузен чистит ружьё, машинально орудуя шомполом, и говорит:

– Кстати, об охоте. Вы наверняка не знаете, как бьют белку. То есть, людей интересует, конечно же, не жалкая тушка, а роскошная шкурка. Так вот, пока дилетант выстрел за выстрелом разрывает бедняг на части, почём зря переводя дефицитный, надо сказать, мех, знающий человек, приметив зверька на стволе дерева, тихо поднимает ружьё, и, держа белку на прицеле, неслышно заходит по кругу, пока от неё на мушке не останется видна одна голова. Вот тогда охотник стреляет точно в глаз, и на землю падает аккуратно обезглавленное тельце.

«Да, – подумал я, – эти головы сведут меня с ума».

Лесник замолчал. Я гляжу на его спокойные движения, медля и не желая нарушать размеренность положения дел, но, всё же, вдоволь насладившись паузой, задаю вопрос, не требующий, как мне кажется, особых раздумий:

– А знаете ли вы, что такое опустошение? – Собственно, и вопросом это назвать нельзя, скорее намёком на новую тему разговора. Когда спешить некуда, мысли вязнут в тишине. И голос лесника, сидящего напротив, теперь долетает не сразу, будто нет ему начала, и доносится он со стороны, и нас разделяет воздушный океан.

– Опустошение, известное дело, это когда ружьё наводят на цель, нажимают на курок, и гремит выстрел – вот тогда тянет пороховым дымом, эхо гудит в голове, а внутри всё замирает, только сердце колотится в пустоте. Это и есть опустошение. Но опытный стрелок таких мелочей уже не замечает.

Он поднимает ружьё, согнутое в колене, и смотрит на просвет.

Вальдхаузен проходит по комнате, подбрасывает в печь поленья. Всё-таки, житьё вдали от людей заставляет заботиться о себе совершенно прямо – человек вынут из сложно переплетённой системы социальных отношений, он сам себе и врач, и повар, и друг, и недруг, и судья. Нужно быть сильной натурой, чтобы все занятия, которые в обществе мы распределяем по интересам, делать самому. И уж если с чем-то не справился, надо иметь мужество и строго осудить виновного, и принять наказание, и простить. У сильных людей доброе сердце. Орудя кочергой, лесник продолжает разговор:

– Вот вы говорите, пустота. Но ведь она не существует. Пустота – это то, чего нет. Смотрите, я бросаю в огонь дрова. Пламя обнимает податливый материал, превращая деревяшки в тепло. Но когда поленья сгорят, их не станет, и возникла бы пустота, но вся штука в том, что её нет. Она – просто обозначение нестыковки между нашей памятью и настоящим, которое отличается от прошлого. Существует только в людских головах.

«И точно, с кем бы человек ни общался, на самом деле он говорит сам с собой, – думал я, имея в виду, что слышишь только то, что можешь понять, а значит и придумать самостоятельно, – и эта сентенция лесника поинтересней его охотничьих историй».

– Но позвольте, а как же насчёт вакуума? Не станете же вы отрицать его наличие в космическом пространстве, ведь это давно установленный факт. Можно сказать, что вся наша вселенная есть пустота с редкими вкраплениями звёзд! – Впрочем, со смелой метафорой я немного погорячился, но Вальдхаузен, преображающийся из простоватого охотника в тонкого философа, великодушно не воспользовался моей ошибкой. Он слегка улыбается да ворочает угли.

– Вот такой вот парадокс: вакуум – есть, а пустота – не существует. Вы должны понимать разницу между физическим каркасом мира и человеческим космосом. Так, используя, образно говоря, нижний уровень реальности, мы питаем организм, ходим друг к другу в гости, запускаем спутники. Да, кстати, я почитываю некоторые материалы, так профессор Джим Датер из Института изучения альтернативных вариантов развития будущего, к примеру, полагает, что человечество всерьёз займётся колонизацией Марса в течение ближайших 30—50 лет. И, между прочим, так как Марс весьма удалён от Земли и перелёты между ними крайне дороги, то космонавтам, астронавтам и прочим тайконавтам придётся оставаться на месте прибытия, чтобы стать колонистами и в последствии эволюционировать в иную форму жизни. Так и будет, если не применить для перелётов другой способ, основанный на верхнем уровне реальности.

Вальдхаузен усаживается ближе к теплу, вытягивает ноги, и морозно-сосновый воздух насыщается восходящим духом человеческого естества. Я на всякий случай комментирую и уточняю:

– Ну да, *navigare necesse est, vivere non est necesse*³². – В глазах удивительного лесника обозначается понимание латыни. – Человечество подобно волнам на поверхности океана. Пока дует ветер, прибой будет отвоёвывать у берега всё новые территории, а судьба отдельных волн никому не интересна, это понятно. Но скажите, о каких уровнях вы говорите? Не имеется ли в виду интеллектуальная деятельность, отделяющая человека от животного мира? О чём, собственно речь?

³² Плыть – необходимо, жить – необязательно (лат.).

– В определённой степени вы правы. – Вальдхаузен, сплетя руки на животе, расплывается в улыбке. – Только ваш удачный пример нужно развернуть: среди волн плывут ещё корабли, пронзая человечество вдоль и поперёк, будучи надстройкой верхнего уровня. Капитаны современности умеют ловить ветер. Как бы это объяснить... Вот вы, скажем, как сюда попали?

Я сначала хотел возмутиться достаточно бестактным вопросом, и приготовил саркастическую фразу, сглотнул и набрал в лёгкие воздух – но вдруг осознал, что самым верным ответом будет такой:

– Не знаю. – Конечно, странный факт для меня самого требовал разбирательства, но, правда, не было возможности сделать это самостоятельно. Помню лес, холод, шлейф самолёта и маленький домик, плотно укрытый снегом. А раньше было вчера. И на помощь приходит Вальдхаузен, становясь серьёзным и вкрадчивым.

– Так я и думал. В таком случае у вас должен возникнуть закономерный вопрос – кто такой этот лесник и что это за место. И что нас с вами связывает. Некоторые ответы лежат на поверхности, по крайней мере, для меня. Я – последний обитатель того, что осталось от мира Жоржа Павленко. Мы принадлежим друг другу – я и лес, хоть теперь это почти просто заурядный дендрарий. А когда-то... Ну, вы хотя бы должны быть в курсе существования многих миров. Поскольку же вы явно неофит, можете и не знать, что, в отличие от прочих, вселенная доктора Павленко простиралась на шесть континентов и пять океанов, солнечную систему планет и ряд ближайших звёзд. Сейчас же мне приходится охранять, наверное, уже заповедник, жалкий островок, тонкий слой мира, который едва не растворился в натуральной реальности. Доступ сюда, увы, перекрыт, канал отрезан. Добраться можно исключительно, что называется, в собственном теле. Поэтому в первый раз я довольно сильно удивился вашему визиту. Таким образом, со всей очевидностью напрашивается вывод о том, что вы при содействии Жоржа открыли свой узел – который неизвестным для меня образом состыковался с его миром.

Вальдхаузен подобрал под себя ноги, в четверть оборота наклонил торс в мою сторону, облокотившись подобно мыслителю Родена о колено и опирая подбородок о кулак. Иногда вдруг понимаешь, что по крайней мере один из двух собеседников тронулся умом, или же приходится снова менять представления о жизни. Я не нашёлся, что возразить.

– Это всё так неправдоподобно... – Как в костёр подбрасывают дрова, я поддержал беседу осторожным вопросом: – Ну, хорошо, а что держит вас здесь, то есть не даёт возможности спуститься к автостраде и уехать в город?

В глазах лесника разгоралось пламя.

– Ах, вот что вас смущает. Представьте себе, что грамотного человека выбрасывает на остров, населённый миролюбивыми туземцами, находящимися на ранней стадии развития. Человеку повезло, с ним на сушу попадает сундук с книгами, чернилами и бумагой. Так вот, пришелец в земле добродушных дикарей, он может построить дом, создать семью, даже стать вождём, но никогда он не расстанется с частью своего мира, будет без конца перелистывать книги и писать дневники. А я, признаться, являюсь и порождением, и частью призрачного леса, и мне тоскливо за его пределами. Что, впрочем, не мешает иногда мотаться в город, обходить границы леса, стрелять по белкам и непрошеным гостям.

Вальдхаузен поднимается, подходит к столу, подбирает ружьё и, доводя процесс до конца, его заряжает.

– Теперь-то вы понимаете, какими могут быть марсианские экспедиции и что такое опустошение?

– Да, конечно, – сказал я, вдруг почувствовав себя неуютно.

И на всякий случай исчез.

О СТЕНАХ

Со стороны, куда стремится солнце, в рассветных лучах дом казался тёмной башней. Оставляя позади тени голых деревьев, я миновал калитку и подходил к порогу, и под ногами хрустел оледенелый снег. Отворив высокую дверь, через которую легко прошёл бы и титан, если бы знал код замка, я поднялся по винтовой лестнице и, остановившись у смотрового окна, с высоты третьего этажа окинул взглядом парк: там, за пустошью, он встречался с хвойным лесом, зеленеющим под стайкой серебряных тучек.

«Всё-таки, под защитой стены хорошо», – ворочалась мысль. Сквозь пальто проникал согревающий воздух, а капризное человеческое тело любит, когда ему становится лучше. По спине, сладостно принимающей тепло, побежали мурашки, а на ум сами собой пришли строки:

«Есть люди-черепахи, укрытые в броне,
Но тяжестью рубахи прижатые к земле».

«И что? – человек немислим без одежд, без дома, без продолжения своих рук», – возражал я себе и тут же вновь принимал противоположную сторону: «Впрочем, как бы низко ни находился человек, взгляд его, нет-нет, да и поднимется к небу».

«Порой им только снится, как ловко наверху
Летают люди-птицы в снежинках и в пуху».

Я отвернулся от окна и, сменив занятие, полагал оставить и стихи, но владеть собой ещё не значит владеть ситуацией, и память настойчиво шептала:

«На этом странном свете есть люди-облака,
Их вечно гонит ветер, сминая им бока».

Я уже двигался дальше, но ритм просто преследовал меня, явно вознамерившись отчеканить слова до последнего:

«И холодно, и сыро, и нет прямых путей
Внутри большого мира, среди больших людей».

На этом я, наконец, оставил себя в покое, шагая по галерее и рассматривая фамильные портреты, пейзажи с изображением местного ландшафта, причём впереди от традиционных полотен, выполненных кистью и красками, экспозиция переходила к опытам в художественной фотографии. Помню, однажды Жорж за чашкой парагвайского чая, который обычно в первый раз поражает воображение, а затем – небо, рассказывал, как у него гостил большой знаток искусств, багетных дел мастер и вообще человек хороший. «Конечно, – говорил гость, – ваши произведения нуждаются в более солидных рамах, надеюсь, я вас не разочарую. Но что касается поверхности полотен – напрасно вы их не защищаете стеклом, ведь открытый воздух их портит». На что Жорж, улыбаясь, охотно сообщил, что, на самом-то деле, стёкла есть, только они имеют специальный слой, предотвращающий отражение света. «Неужели?» – удивился гость и тут же попытался удовлетворить своё любопытство самым непосредственным образом – при помощи пальца. Но Жорж его остановил, мотивируя капризностью антибликового покры-

тия. Знаток долго ходил вокруг, глядя на поверхность с разных сторон, однако до конца так и не поверил: «Этого не может быть! Этого просто не может быть...» – с некоторой неуверенностью констатировал он, да так и остался в сомнении. «Именно поэтому, коллега, – комментировал мне г-н Павленко, – в ходе исследований нельзя ограничивать себя инструментами, нельзя пренебрегать самыми, казалось бы, примитивными способами для выяснения истины, поскольку часто умозрительные построения оказываются мыльным пузырьком, который лопается от соприкосновения с грубой действительностью».

Шаги заглушались плотным ворсом ковровой дорожки, но, не успев отдышаться, я слышал биение собственного сердца, постепенно входящего в норму. И раньше испытывавший соблазн всё-таки выяснить, есть стёкла в рамах или нет, я остановился и приблизился к фотографии с подписью «Дебют четырёх коней», где г-н Павленко и я в белых одеждах сражаемся с двумя тёмными противниками, причём один из них, г-н Ворсюк, поднял коня на дыбы. «Удивительное дело, – подумал я, – кто-то из техников захватил с собою фотоаппарат». Вообще-то, по логике событий это был скорее эндшпиль. Протянув руку, почти прикоснувшись к взлетевшему вверх копыту, я вдруг ясно услышал речь – и потерял к эксперименту интерес, прервавшись в слух.

Впереди, из дальнего холла, слышался голос Чучельника, и я, ступая непонятно зачем медленно и тихо, двинулся туда.

– Глубоко уважаемый и горячо любимый Жорж, – доносился раскатистый баритон, – признайтесь, давно вы не были на балете, а? Но ведь ограничение области интересов искажает субъективную реальность, между прочим. Так вот, помните книгу комиксов Жана Эффеля «Сотворение мира» по библейским мотивам? Когда я увидел одноимённый балет, то вдруг получил серьёзный удар по своему чувству юмора: да, только так, выдвывая па, размахивая руками и ногами, то есть используя весь свой физический потенциал, и можно что-то сотворить. А что думаете по этому поводу вы?

Теперь я отчётливо слышал и голос г-на Павленко.

– Не следует недооценивать человеческую природу. Уж мне-то можете спокойно верить, я-то имею все основания для утверждений априори. Когда-то люди наделяли природу своими чертами, землю располагали на черепахе и разговаривали с пустотой. В этой в целом ошибочной системе была своя логика, но всякому заблуждению – своё время. Теперь, когда стало ясно, что и Солнце – всего лишь атом вселенского пламени, мы рассматриваем организм человека с механистических позиций, а на мозг глядим как на композицию микросхем. Однако это просто смешно – путь человека от, извините за выражение, праха земного, до, грубо говоря, венца природы весьма протяжен, и сегодня со всей очевидностью вдруг становится понятным, что иначе как антропоморфным его назвать нельзя. Соответственно, и дела человека – его такое же продолжение. Всякому заблуждению – своё время.

Я стал различать тени на гладком полу, и тут из противоположного коридора появилась Тутта, уже успев освоиться и приняв на себя часть хозяйских хлопот: в руках она несла поднос с кофейником и чашками. Я решительно появился.

– Следует заметить, – собственный голос казался мне несколько резким после недавнего мороза, – сегодня многие приходят к выводу, что часть задач, которые возлагали на кибернетику, экономически целесообразнее решать при помощи естественного инструмента – чело-

века. В частности, планируется на Марс отправлять не беспомощные механизмы, а подготовленную миллионами лет эволюции машину из крови и плоти. Путешествие в один конец. Немалый шаг для человека, небольшие расходы для человечества.

Меня, по всей видимости, поджидали, поскольку и Жорж, и Чучельник оживились, а количество чашек на подносе равнялось четырём. Тутта, располагая приборы на стеклянном столике, окружённом креслами с кожаной обивкой, улыбнулась и сказала:

- А у нас уже всё готово!
- Да, – сказал Жорж, – в самом деле, коллега. Ну что, пора на штурм?
- Пора, – сказал я, подхватывая нить событий.

Мы сидели вчетвером вокруг кофейника и пили волшебный напиток. Чучельник был явно доволен собой, то и дело улыбаясь уверенно и красиво. Как-то уж совсем он не соответствовал серому типу работника госбезопасности. Жорж, задумавшись, прикрыл глаза ладонью, а Тутта с интересом смотрела по сторонам. По периметру холла наблюдалась без сомнения любопытная экспозиция из рыцарских доспехов в полный рост, тяжёлых самострелов, пробивающих любые латы, копий и мечей. Я вдыхал густой аромат, чуть склонившись над чашечкой и грея об неё руки, чувствуя, как горьковатая жидкость проникает в кровь.

Белый ветер. Белый снег. Наши всадники выстроены в линию, мы с Жоржем и компанией объезжаем строй. Всего я насчитал пять десятков – неплохо для воскресной прогулки, но всё же маловато для решительной битвы. Впрочем, возможно, армия противника зализывает раны после сокрушительного разгрома. И наши воины теперь основательно экипированы и тяжело вооружены – солнце блестит на неровной поверхности бывавших в бою панцирей, наплечников и шлемов. Одно неудобство – металл, даже поверх густого меха, на холоде просто замораживает, и Жорж направляет коня вперёд, в неизвестность, и отряд с четвёркой в авангарде приходит в движение.

– Жорж, – мой голос сносится ветерком, и приходится говорить громче. – Всё-таки, возвращаясь к вопросу об антропоморфизме. Неужели вы полагаете, что реальность такова, какой её видят люди?

– Коллега, вы всё ещё не поняли? Человек никогда не узнает, как устроена вселенная на самом деле, потому что никакого этого самого дела нет. Есть определённый ареал обитания и интересов, который мы не в состоянии существенно углубить именно по той причине, что нам это и не нужно ни при каких обстоятельствах. Задачи, стоящие перед человечеством как перед организмом, диктуют и направление движения, и чувствительность рецепторов. – Г-н Павленко перевёл дыхание. – Далее, нет никакой разницы, какую терминологию использовать в науке – важна её непротиворечивость и унификация, вы не станете спорить. Пусть бы мы атом называли кирпичом, а кирпич – корпускулой. Важно, что каменщик по-прежнему будет возводить стены, а военные – грозить смертоносным оружием. Как бы ни выглядела вселенная в глазах человека, именно из такого представления он единственно и может получить результат, именно таким и является его мир.

Мы скакали без остановки, но снежному полю, подёрнутому позёмкой, не было видно конца. Не говоря уже о том, что никак не проявлял себя враг – ни отдалённым блеском доспехов, ни топотом копыт.

– Глубоко уважаемый! горячо любимый Жорж! – Чучельник, которого заслоняет г-н Павленко и особенно его широко развивающийся ярко-синий плащ, пытается перекриковать ветер. – В ваших построениях есть существенный изъян: этот механизм не будет работать, если мы встретимся с нечеловеческим разумом. По вашей теории мы не только не сможем его понять, воспринять, но и тем более не будем в состоянии совместить фундаментальные знания разных цивилизаций. А это противоречит научной методологии.

Пар вылетает из ноздрей наших коней, из-под копыт брызжет снег. Ярко-голубая высь колеблется под сияющим солнцем. Сзади слышится ровный топот молчаливых всадников, их синие плащи на фоне треплет морозный воздух среди чистого поля, начало которого где-то там, за горизонтом, наверное, сливается с небом.

Я повернул к Тутте голову и сказал:

– Если мистер Чучельник захочет сократить своё обращение к Жоржу, у него выйдет «гугл» или же «гугол». Это означает очень большое число, единицу со ста нулями.

Она улыбнулась, насколько можно было видеть из-под шлема и шапки, надвинутой на глаза, хихикнула и, заслоняясь перчаткой от ветра, заметила:

– А может быть, он сделал как раз наоборот.

Жорж некоторое время держал паузу, но, видимо, не дождавшись других возражений, приподнялся в седле и сообщил:

– Возможно, я и нарушаю научную методологию. Возможно, мы не найдём общего языка с тем, что примем за космический мусор. Но у меня – серьёзный аргумент, и он весомее любых нападок: я получил результат. – Здесь он прибёг к не вполне достойному приёму давления авторитетом. Обычно в наших диалогах нет места апеллированию ни к разуму, ни к именам: только факты, принимаемые всеми, факты и логика. Впрочем, полемические методы дают наглядный результат.

Впереди я заметил полосу леса, подёрнутую дымкой. От непривычной тряски у меня слегка заболели ноги, спина и плечи – положительно, пора бы случиться событию, ведь армии нужны сражения. Лес приближался, но был ещё далёк.

– Знаете, коллега, – я обернулся в сторону г-на Павленко и махнул рукой в сторону деревьев, – меня гложет мучительная мысль: там, впереди, далеко ли до вашего дома?

Лицо Жоржа, посиневшее на ветру, было невозмутимым.

– Как бы вам объяснить... С одной стороны, до него за день, пожалуй, добраться можно, если задаться такой целью. С другой стороны, в настоящий момент мы и так в нём находимся. С третьей... поймите, некоторые вещи нельзя уразуметь со слов, к ним нужно прийти самому. Даже зная физику процесса, получив абстрактную формулу, описывающую ответ, не всегда можно сказать, что же это даёт на практике. – Кони начинают фыркать. Жорж, поглядывая вперёд на тревожные клубы тумана, продолжает говорить. – Представьте себе, на земле существуют миллионы книг. Нет ни малейшей надежды одному человеку одолеть их все. Даже отбрасывая заведомую макулатуру, можно с уверенностью констатировать, что человек – в дан-

ной плоскости – лишь только срез огромного дерева, он прочёл лишь пару шкафов университетской библиотеки. Под книгами здесь мы понимаем любой источник информации, а ведь она и есть, так сказать, *causa efficiens*³³ человека. Так вот, каждый из нас видит мир несколько по-своему, в соответствии с внутренним содержанием, человек состоит из книг. И воспринимаем новые сведения мы через призму старых взглядов, поэтому, с одной стороны, и понять до конца можно только на практике, и поделиться знанием можно только в теории. А уж смысл того, что видишь – вообще для каждого свой.

«Любопытно излагает», – мимолётно подумал я. Чего у Жоржа не отнять, так это наличия собственного мнения, часто весьма оригинального, по любому из вопросов, которые многих людей и вовсе не интересуют.

– В таком случае, – я пытался рассуждать, хотя пот заливал глаза, а снежинки, вздымаемые ветром, проникали под броню, – не следует ли изъять у населения всю наличную литературу, чтобы затем каждого индивида воспитывать универсально развитым, абсолютно совместимым с окружающими? Я не говорю о репрессиях, но есть же и неявные методы – бактерии, превращающие книги в труху, перевод на иные носители информации с превращением старых в ненужный хлам, телевидение, в конце концов...

– Но позвольте, коллега, вы совершенно забываете о необходимости структурирования общества, ведь аморфный социум невозможен. Затем, и в науке, и в труде необходима специализация. И, конечно же, принимая ваши фантазии, даже полное уничтожение всех библиотек поправит ситуацию лишь на весьма непродолжительное время: дело в том, что при нынешних оборотах тотального писательства, разбухания массы данных, возможен лишь один путь организации науки в широком смысле этого слова: только наподобие человеческого мозга, за этим будущее.

Туман перед нами густел; мы перешли на шаг. Затих ветер, кони двигались нехотя и пытались повернуть обратно. Я взялся за рукоять меча и слегка обнажил лезвие. Но перед нами враг так и не появился.

Впереди возвышалась огромная стена.

Не знаю, чем она казалась каждому из нас – возможно, кому-то она представлялась сложенной из камня или кирпича, кому-то – забором с колючей проволокой. Я отчего-то подумал, что мы подобралась к подножию необъятной чаши, от которой расплзается туман, а внутри, вне всякого сомнения, дымится парагвайский чай, потоком пара вознося лишённые тяжести, обесцвеченные чайники в небо.

– Вот и предел, – сказал Чучельник, и моя воображаемая чаша смешалась с туманом. Я встряхнулся и с лязгом вернул меч на место. Теперь мне виделось, что там, за дышащей стеной, над лесом кружат серебристые облака.

³³ Побудительная причина (лат.).

О СЛУЧАЙНЫХ ВСТРЕЧАХ

Прошло несколько недель. Дела, будто незримые жернова, перемалывали пространство дней без остатка, и всё, что меня с ним связывало, на время перестало существовать. Линия, утром пробегающая от квартиры до офиса через проспекты, перекрёстки и мосты, ближе к ночи возвращалась обратно, и если бы не твёрдость поверхности асфальта и неустанная работа снегоуборочных машин, то вполне могла бы образоваться хорошо наезженная колея. Жорж как-то звонил из Хитроу, говорил, что вынужден улаживать некоторые вопросы, но я был погружён в глубокую рекурсию непростого алгоритма, поэтому разговор вышел пустым. Страна, как наполненный пузырьками шампанского гражданин, шатаясь из стороны в сторону, удивлённо шагала сквозь новогодние праздники, щедро нанизанные подобно жемчугу на тонкую нить человеческой жизни.

Однажды я умчался оформлять важные бумаги, изменив траекторию последних дней, и, взирая отрешённо и растерянно на краски белого света, поток беспечных прохожих и спящие фонари, захотел немного оглядеться и пройтись пешком. Город, находясь во власти зимы с её снегом и морозами, всё же согревается несовершенством теплоизоляции домов, урчанием автомобилей и дыханием людей, поэтому-то, отметил я про себя, настоящую зиму увидишь только за пределами городской черты, как, впрочем, и лето, и осень, и весну. А здесь, наслаждаясь плодами цивилизации, можно вслушиваться в трескотню голосов, давно привыкнув к арабским и кавказским тонам, переводить слова вывесок, витрин и рекламных щитов с языка титульного на действительный, вдыхать аромат незнакомых духов и тот запах пирожков, чебуреков и беляшей, который вспомнишь в любых обстоятельствах – летая ли между звёзд, погрязая ли в роскоши. Так, глядя по сторонам, я нос к носу столкнулся со старым знакомцем, который за пять минувших лет вовсе не переменялся, разве что его двухметровое атлетическое тело боксёра-любителя чуть-чуть похудело. Впрочем, как водится, первым узнал меня он.

О чём говорить с теми, кто давно исчез из поля зрения? Увы, то, что связывает, осталось в прошлом, а оно имеет свойство сжиматься из широкого потока событий в тонкую нить – поэтому обычно приходится вспоминать эпизоды, свёрнутые в точку, при помощи расширительных напитков. Конечно, не на этот раз. Мы обменялись информацией о личных достижениях, хотя я мог описать суть своих занятий лишь в крайне общих чертах. Как, вероятно, и слова собеседника только обозначали события, но слабо объясняли, отчего он, закончив институт, попал в неприятную историю, вынужден был воспользоваться услугами пенитенциарной системы (то есть угодил в тюрьму), а теперь, мотаясь с объекта на объект, «работает руками», устанавливая разного рода приборы слежения и телеметрию. Ну, собственно, и что? «Да так, – повествовал он, – попадают же клиенты: огромный офис с шикарным фасадом, а на хозяйстве одна единственная барышня; вот, устанавливал сегодня видеокamеры по периметру. И название у клиентов чудное – „Уисс“, кажется. А так, скоро, может быть, женюсь, всё-таки. Ну, давай, увидимся, даст бог. Кстати, я теперь человек глубоко религиозный. Вот, решил сегодня в храм зайти, помолиться». – Кто бы мог подумать? – «Жизнь меняется», – сказал монтер с инженерным образованием и прошёл за ограду Владимирского собора. Старые знакомые своим существованием напоминают, каким бы ты мог стать, если бы не цепь сложившихся событий.

Я обогнул собор, чувствуя, как отчаянные, горькие и доверчивые мысли прихожан, нашедшие здесь надежду и успокоение, сияют на поверхности золочёных куполов. Дворники

расчищали тротуары. «Религия – это не просто *modus vivendi*³⁴ для вовлечённых людей, это для них своего рода отдельный мир. Существенным моментом, однако, является невозможность пользоваться таким миром на практике в том же ключе, как мы обыкновенно обращаемся с реальностью – то есть с полной уверенностью в её действительности, подтверждаемой опытом». Через некоторое время я подошёл к зданию, из которого, без сомнения, также исходила неосязаемая, но результативная волна воздействия на людей; пешеходы предпочитали жаться к кромке тротуара, и на них свысока взирали равнодушные вороны и объективы внешнего наблюдения. Как ни странно, голографические наклейки, эта фантазия чиновников, ещё одно беспокойство для бизнеса и предмет моей нынешней поездки, оказались вопросом государственной безопасности. Поднявшись на порог, пройдя через высокие и основательно посаженные двери и небольшой холл, со слов солдата на вахте я узнал, что попал в обеденный перерыв, так что в запасе есть пятнадцать минут. «Надо же, – пронеслось в мыслях, – а ведь говорилось, что приём документов у них круглосуточный и беспереывный». В интерьере заведения сквозь налёт недавнего ремонта, одевшего стены в облицовочный пластик, проступал неизгладимый дух давно ушедшей эпохи, подобно тому, как в монастырях веками сохраняется безотчётная надежда на чудо. У одной из дверей шепталась пара посетителей, не решаясь войти. Вахтенный заметил, что, поскольку время обеденное, то там никого нет, но на всякий случай можно и постучать. «Ну, нет, – краснея, пошутил господин в кожаном пальто для своей спутницы, – уж „стучать“ мы не будем!». На стене у бюро пропусков с надписью «справок не даём» эстетически выдержанно располагался телефон с трубкой, закованной в металлический крепёж к корпусу дискового номеронабирателя; провода свешены как попало; чуть в стороне от телефона стену подпирали два видавших виды стула. Вполне возможно, они застали ещё те времена, когда за неверно выписанный пропуск судьба рассеянной девушки затерялась бы в пыльных архивах заведения. Но сегодня, кажется, после того, как офицер увёл девушку на разборательство, из каких таких соображений выдано разрешение завтрашним числом, ей ничего кроме служебного взыскания не угрожает. Кто же тогда станет выдавать пропуски?

Минуты ожидания подошли к концу, и я направился в приёмную. Однако моё стремление было прервано долгой процессией, пока персонал препровождал дышащего на ладан старикана, явно бедствующего и переставляющего ноги с черепашьей скоростью, от дверей кабинета для содержательных посетителей к комнате для, видимо, журналистов вроде парочки, всё же вошедшей туда без стука, ветеранов службы и прочего бесполезного люда. Воспринимая препятствие как проявление сил природы, я немного обождал – и вошёл в кабинет. Улыбчивый человек в сером костюме, отставив чай в стакане с подстаканником, любезно предложил присесть и приготовился слушать. На его сплетённые пальцы падал свет из настольной лампы с абажуром, в стороне стоял письменный прибор с торчащей из него ручкой; казалось, здесь на неопределённый срок затаилось само прошлое. Я аккуратно раскрыл портфель и, вынимая бумаги, принялся пояснять суть вопроса: нашей организации в силу определённых обстоятельств требуется разрешение на внедрение средств голографической защиты... – тут, покачивая головой, хозяин кабинета разочарованно повёл рукой и сказал: «Ну почему, почему никто не читает разъяснения на доске объявлений? Там же ясно написано – по вопросам оформления документов нужно обращаться по адресу Владимирская-33, а не 35. Там у нас, кстати, круглосуточное обслуживание, вы бы и времени не теряли. Да, только вход со стороны Ирининской». Мы любезно распрощались, я покинул кабинет, прошёл к выходу и оставил массивную дверь за спиной. На меня смотрел Чучельник.

³⁴ Образ жизни (лат.).

– Какими судьбами в наших краях? – вопрошал он, протягивая для пожатия руку, – неужели?..

– Что вы, исключительно по делам, никак не связанным... Я вообще ошибся зданием, мне нужно со стороны Ирининской, документы передать на регистрацию... – О, давно я не чувствовал себя так неловко. Казалось бы, ничего особенного не произошло, но само это место, моя персона и знакомый человек уж очень плохо сочетались. Парадоксальная русская мысль породила и желание могучей страны, и отвращение к государству. Возможно, однажды в этом порочном кругу всё и погибнет. Или наоборот, конечно. Мифически жалящий себя скорпион или восстающая из пепла двуглавая птица Феникс.

Мы сошли с порога и пошли вдоль стены, покидая поле зрения видеокамер, подозрительный взгляд которых я чувствовал спиной.

В прошлый раз мы простились с Чучельником у совсем другой стены, гораздо более высокой и основательной, у границы миров. Преодолеть её так и не удалось, и, вернувшись к реальности, в тот день все разъехались кто куда.

– Кстати, – сказал я, чтобы переменить тему, – как там ваш Пелюхович поживает? Уж как-то запомнилось его лицо, знаете ли.

– Дался вам этот Пелюхович. Его уволили. Со своим напарником он всерьёз увлёкся национальной идеей, что ни в какие ворота не лезет. Мы, как думающим людям нетрудно догадаться, это варево готовим для народа, а вовсе не для своих сотрудников – их мозги должны быть заняты другим. В общем, стали они обособляться, пренебрегать работой, да ещё по собственной инициативе во что-то вступили – не то в общество, не то в партию... конечно, выгнали обоих. Впрочем, бывших чекистов не бывает, с ними ведётся негласная работа.

– Надо же, партия, как забавно. А скажите, что вы делали в октябре? – Собеседник удивлённо на меня посмотрел, и я пояснил вопрос: – Я имею в виду, что за странный опыт вы с г-ном Павленко проводили на том пивном празднике? Ведь вы были знакомы, а Жорж... – Чучельник не секунду поднял глаза, как бы призывая небеса в свидетели моей невиданной наивности, или же указывая мне на вышестоящую инстанцию.

– Плохо вы знаете Жоржа. Конечно, мы знакомы друг с другом достаточно давно, и в этом нет ничего экстраординарного. Откуда, как вы полагаете, у меня такое специфическое прозвище? Не знаю, что там исследовал г-н Павленко, но тогда он здорово набрался, а мне, честно говоря, интереснее всего было наблюдать за вами. Удивительный вы человек. Зачем, например, возиться с этими вашими бумажками, если можно просто позвонить и всё оформить в два счёта? И, раз уж на то пошло, вместо того, чтобы заниматься делом государственной важности, вы сидите в своём офисе, а Жорж и вовсе уехал из страны. Вы не знали? Он в Великобритании. Сейчас, пока англичане прикидывают, куда бы перебраться со своего острова в ближайшие 100 лет, когда из-за изменения направления Гольфстрима всё остынет почти до состояния Гренландии, наш общий знакомый в лучшем виде устраивает там свои дела. Ведь на его грядках растут морозоустойчивые овощи.

Больше всего на свете нужно бояться зависимости. Другое дело, что избежать её нельзя. Мне наскучило общество столь осведомлённого собеседника, своим знанием переворачиваю-

щего мои представления о прошлом, о людях и о себе. Захотелось поскорее закончить разговор, и сделать это оказалось несложно:

– Огромное вам спасибо, но я должен бежать. Нужно ещё закончить с бумагами, а в офисе дел невпроворот.

На этом мы и разошлись. Я нашёл Ирининскую улицу, и там передал документы, пройдя сквозь формальную процедуру и не слишком об этом задумываясь. Не беспокоили меня ни слова случайных людей посреди сегодняшних встреч, ни представления о прошлом, которые немного всегда приходится корректировать, ни пробки на дорогах, ни навязчивое желание однажды как следует выспаться. По-настоящему волновало меня только будущее.

О ЛИЧНЫХ ОТКРЫТИЯХ

Маленькое и скромное студенческое кафе «Ромашка» хорошо спрятано от непосвящённых глаз в кустах сирени, шуме двух дорог и в полном равнодушии к окружающему миру: пусть многие рестораны и клубы вкладывают немалые силы в создание хотя бы иллюзии собственной атмосферы, здесь, похоже, это произошло само по себе. Солнце давно перешагнуло за полдень. Оно устремилось вдаль, сквозь просветы между вершинами зданий, над холодными и пустыми скверами, над лесами, застывшими в попытке до него дотянуться, над покрытыми льдом реками. Вдаль, над устеленными снегом болотами, полями и холмами, и, будто делая широкий шаг, за протяжённым берегом, ныряющим в море, одной ногой проваливается сквозь туман Британских островов. Роняя лучи на континент и его осколки, цепляясь за крыши домов и оглядываясь на прохожих, оно осталось где-то там, за пределами помещения, за кисейными занавесками, отделяющими свет от суеты, вне укромной комнатухи, где я уединился со своим обедом, зная, что иногда стены – лучший собеседник, не уступающий в основательности ни торопливому светилу, ни холмам, ни ветру. Простенькие обои, когда-то скрадывавшие почтенный возраст всегда холодного бетона, теперь и сами принадлежат времени, сливаясь с рельефом стен и плавно переходя в побелку бледно-жёлтого потолка. Ни шаткие стулья, ни отсутствие скатерти поверх длинного стола не нарушают гармонию вещей, соединённых человеческим теплом, будто они увлекаются течением мысли, и я говорю не с собой, а со словами, молчаливо отпущенными на волю. Обойдя пересечённый ландшафт четырёх сторон прямоугольной вселенной и не найдя выхода наружу, отражаясь в геометрическом узоре обоев, слова так и блуждают в замкнутом пространстве, оставляя чуть заметный дымчатый след. Было накурено. Пахло жжёным кофе.

«Мозг устроен очень просто, – вспоминал я слова Жоржа, которыми он охотно когда-то делился в этой же комнате, перемежая разговор щёлканьем портсигара, движением пивных бокалов и фисташек, – одна только проблема – попытка его построить приведёт к банальному конструированию человека, с руками и ногами, плюс необходимость воспитания и обучения. Но эта задача давно решена эволюцией и цивилизацией. Впрочем, имейте в виду следующее. Любой сигнал, который поступает на рецепторы органов чувств, будь то простая вспышка света, звуковое колебание или более сложная информация о движущихся предметах, об объектах, требующих узнавания и прогноза траектории, либо семантически насыщенные речь или текст, преобразуется в электрический ток и проходит по нейронным цепям с целью быть распознанным, обработанным, доказанным, согласованным этой предикативной машиной. Для сигнала простой структуры достаточно одного или нескольких повторений: отличать свет от тьмы умеют весьма примитивные формы жизни. Кстати говоря, и такой *prima facie*³⁵ сложный орган чувств, как глаз, – тут г-н Павленко, прищурившись, хитро глянул сквозь стекло бокала, – возник независимо у разных видов животных, причём и у весьма примитивных; это свидетельствует о его принципиальной простоте. На примере глаза удобно рассматривать усложнение реакции мозга на сигнал с увеличением значимости адекватной реакции на внешний раздражитель и соответствующим ростом (со сменой поколений) вычислительной мощи нейронной сети. Предположим, какому-нибудь морскому огурцу с наступлением ночи следует погружаться вглубь воды ради надобности, ведомой ему одному, а с рассветом подниматься на поверхность, чтобы греться на солнышке. Но вот, прошли миллионы лет, и, скажем, климат немного изменился, и теперь огурец, плавая весь день под лучами ослепительного (в переносном, конечно, смысле) солнца попросту поджаривается, заболевает и вообще перестаёт

³⁵ На первый взгляд (лат.).

быть. В конце концов выживают те, кто приспособился различать силу света, то есть обрёл некий прообраз органа зрения. – Жорж любил примеры, смеющиеся над инерцией мышления: оттолкнувшись от невероятности, через них нужно перепрыгивать и спешить дальше за нитью рассуждения. Насколько мне известно, морские огурцы преспокойно обходятся без глаз и в нашу беспокойную эпоху переменчивого климата. – Так вот, коллега, вообразите, что между этим существом, похожим на шланг, и вами как представителем *homo sapiens* разместилась пропасть. В интеллектуальном, разумеется, плане. Вам нужно решать задачу визуального, фонического и так далее распознавания, чтобы не обжечься горячим кофе или не принять пивной бокал за хорошенькую девушку, нужно выработать критерии „хорошо/плохо“ для всевозможных сигналов, поступающих в мозг, чтобы, к примеру, не есть несвежие бисквиты или прогорклый арахис. Однако это – лишь поверхностная реакция. Самое интересное происходит, когда сигнал настолько сложен, что поиск нужной реакции, хоть и даёт некоторый приближённый ответ, всё же не прекращается, но продолжает циркулировать едва заметным контуром. Человек однажды задаётся вопросом: „Кто я?“ – и с тех пор круженье мыслей не останавливается, личность в этом и состоит».

Мне тогда не давал покоя вопрос, как же возникает у разумных существ самосознание, где та грань, отделяющая колонию бактерий от индивида. Я конструировал модели, любую смелую догадку облакая в машинный код, заранее, в общем-то, зная, что после нескольких часов интенсивных вычислений от неё не останется и следа. Так неловко смотреть на свои ошибки. «Что удивительно, – рассуждал я, – ни сколь угодно большая масса, ни рост сложности системы не приводит хоть к малейшей самоорганизации, и уж тем более к появлению сознания. Вероятно, личность возможна лишь у живого существа, так как мёртвой материи незачем отделять себя от мира и противопоставляться другим. Но, пускай в результате какой-нибудь ошибки появилось нечто живое, как же его заставить мыслить? Неужели только враждебностью окружения?» Я вслушивался в давние рассуждения, но, поскольку всё связано со всем, так и не смог извлечь из них такую нить, чтобы она не потянула за собой клубок цепляющихся друг за друга мыслей. Более того, как мне показалось, одна из них, простой мотив из Грига, поднявшийся из закоулков памяти, проявляясь из небытия, повлёк за собой дальнейшие события.

В коридоре что-то ухнуло, пол заскрипел, и в комнату ввалился коллега Суркис, на ходу отряхивая снег и глядя поверх внезапно запотевших очков. Он мрачно насвистывал мелодию «В пещере горного короля» и почти не удивился, обнаружив здесь меня, лишь только промолвил: «Будем бекать!.. Будем мекать!», цитируя песенку из мультфильма «Незнайка на Луне», где авторы умело подобрали и музыку, и слова. Затем, разоблачившись, сел напротив, угрюмо водрузил на стол свои локти, опёр подбородок о левую руку и, наконец, вернувшись от размышлений к реальности, произнёс: – А знаете, я ухожу. Дело не в усталости и лени, просто я себя не ощущаю на своём месте. Мне надоело, – и тут он перечислил всё, что думает о мудром руководстве, о перспективном плане, о технических особенностях реализации принятых решений. Серж обращал ладони к небу и тут же опускал руки на стол, бряцая прибором. Ему принесли две дымящиеся тарелки, наполненные доверху, пепельницу и сок. Гневно нанизывая вилок пельмень за пельменем, г-н Суркис поносил и сокрушался, негодовал и вздыхал. Прежде чем перейти ко второй порции, он промокнул губы салфеткой, а я осторожно заметил: – Коллега, простите, а что это вы вареники без перца, без уксуса едите? – Серж поперхнулся, но быстро пришёл в себя: – Гм, какие вареники? Это ж пельмени! – Я ожидал подобной реакции, поэтому, потянувшись и скрипя разохшимся стулом, охотно пояснил: – Видите ли, суть вопроса заключается в том, что в пельмени мясо кладут не перекрученное, а мелкорубленое и сырое, и величина пельменей – не больше напёрстка, а всё остальное – вареники. Так, во всяком случае, было до того, как по стране зашагал общепит. – Серж не нашёлся чем возра-

зять, и лишь пробормотал: «Я интеллигент в первом поколении, жизнь бессмысленна и нет мне счастья на земле». Он придвинул к себе посудину, а мне пришлось разгонять его чёрные мысли, подобно облаку нависшие над ним: – Коллега, я сделал маленькое открытие бытового характера. – Доверительно сообщил я собеседнику, допивая напиток, хранящий запах горячего цейлонского ветра. – Если в хорошо заваренный чай добавить лимон, то на стенках чашки почти не образуется типичный налёт. – Я значительно ухмыльнулся, а г-н Суркис нерешительно парировал: – А, вашему открытию сто лет в обед! Можно подумать, что никто не использует лимонную кислоту для чистки посуды. – Он отставил вареники и покрутил головой. В иное время Серж вполне достойно шутил, говоря, что лучший чай – из чашки с многолетним чайным налётом на стенках, что так у неё вырабатывается особый характер, как это бывает, например, и у всякого приличного саксофона, поэтому её достаточно только споласкивать, а всё остальное – варварство. Но сейчас... Сейчас он полез в карман пальто; в попытке распечатать пачку сигарет у него от нервного возбуждения подрагивали пальцы. Чужую иронию от серьёзных мыслей Серж не научился отделять до сих пор. Я продолжал: – Не всё так просто. Во-первых, не станете же вы утверждать, что лимонную кислоту делают из лимонов. Во-вторых, и это главное, у личных открытий особый статус – они находятся во времени и среди людей, их каждый открывает заново для себя и знакомых. Нельзя составить полный свод мелочей, охватывающий всё, что попадает под руку, чтобы его возможно было прочесть, не рискуя потратить на это всего себя. Каждый день состоит из мелких событий, мимолётных мыслей и простых открытий, но чтобы их объять, потребуется день за днём пройти всю жизнь. Поэтому человек, организуя вокруг себя пространство, выделяет из круговерти повседневности несколько важных идей, которые и составляют смысл его существования, они как бы являются его настоящей траекторией. А всё, что творится вокруг – беготня, перипетии на работе, звонки трамвая, возня с домашними делами, и даже пельмени – это как шум дороги, как снег под ногами, как ветер над головой. – Г-н Суркис молчал, а я, полагая, что мне удалось донести светлую мысль о ничтожности его надуманных проблем, зевнул и в заключение сказал: – Нет никакой разницы, в какой офис ездить по утрам и куда возвращаться вечером. Всюду одно и то же, потому что себя не переделаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.